

Е. М. ЮХИМЕНКО

Родственные связи на Выгу в первой половине XVIII в.

Известно, что переселение старообрядцев в Выговскую пустынь в конце XVII—начале XVIII в. происходило целыми семьями. Некоторым из этих семей суждено было сыграть чрезвычайно важную роль в истории старообрядческого беспоповского центра на Севере России. Материалы ревизий и «судных дел», проанализированные М. Л. Соколовской, содержат сведения о типе поселений и структуре семей, проживавших в скитах Выговской пустыни.¹ Отношения между родственниками как в скитах, так и в самом общежитии регламентировались отдельными статьями выговских уставов 20—30-х гг. XVIII в.² Скупые сведения ревизских сказок и выговское уставное творчество, воспроизводившее лишь идеальную модель общежития, не передают всей полноты реальной картины человеческих отношений, когда насельниками старообрядческого монастыря становились люди, для которых родственные связи были традиционно крепкими. Между тем сохранился целый ряд созданных на Выгу и не привлекавших ранее внимания исследователей литературных памятников, изучение которых может приблизить нас к постижению духовной жизни Выговской пустыни.

Необходимость бежать из мира антихриста вынуждала приверженцев старой веры покидать обжитые места, разрывать устоявшиеся социальные связи.³ Выговские источники (как и делопроизводственные документы)

¹ См.: Соколовская М. Л. 1) Северное раскольничье общежитие первой половины XVIII в. и структура его земель // История СССР. 1978. № 1. С. 157—167; 2) Специфика обработки материалов статистического характера по истории старообрядчества (Выга—Лексы) // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 199—200.

² Анализ выговских уставов см.: Куандыков Л. К. 1) Идеология общежития у старообрядцев-беспоповцев Выговского согласия в XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 87—100; 2) Развитие общежительного устава в Выговской старообрядческой общине в первой трети XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 51—63.

³ Конфликт на почве различного отношения к старообрядчеству и к вопросу о переселении на Выг, возникший в семье Терешки Артемьева, привел к доносу тещи на зятя (см.: Демкова Н. С. О начале Выговской пустыни. Малоизвестный документ из собрания Е. В. Барсова // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 237—248). Решительно порывали со своей семьей и женщины. Мария Федорова из Шуйского погоста Мунозерской волости пришла на Выг, мужа и «два чада малыя остави» (Филиппов И.

зафиксировали характер старообрядческого заселения Выговской пустыни: в скитах селились главным образом родственники или выходцы из одних и тех же деревень.⁴ Многие семьи переселялись на Выг не сразу: сначала уходил в пустынь один из членов семьи, потом к нему присоединялись остальные.⁵

В скитах жили семьями. В 1737 г. выговский стряпчий Мануил Петров показывал: «А которые и особливими домами своими... и с женским полом живут вкупе, однако ж и оные содержат с собою токмо как своих жен, так и близородственных престарелых, между которыми бы не токмо и блудодаянию, но и мужем со своими женами к плотскому смешению подозрения не было».⁶ Оставляя в стороне отношения брачные,⁷ следует заметить, что для обитателей скитов родственное общение не подвергалось никакому ограничению. Иначе обстояло дело в общежительстве. Идею раздельного проживания мужчин и женщин выговская традиция связывает с именами игумена Досифея и инока Корнилия.⁸ Для того, чтобы «телесное житие соорудити и душевное спасение устроить», было необходимо «общежительными святых отец обычаи ненавыкших людей украсити, горы своевольныя поравнати, чащи миролюбных обычаев искореняти, сено со огнем разделити, воды страстныя застановити, возгорения похотныя и яростная загасити».⁹

Раздельное проживание мужчин и женщин тем не менее предусматривало свидания родственников. Для этого в возведенной между мужским монастырем и коровьим двором стене «постройша келейцу малу и окно малое на братскую сторону для приходу братии к своим сродницам для свидания и иных ради братских нужд».¹⁰ В 1706 г. при постройке Лексинской обители «для свидания сродственников поставиша при вратах келию и двух или трех привратниц для надсмотру; такожде и от братии старика, кому их приводити и отводити».¹¹

Когда семья переселялась на Выг, перед нею стоял выбор: жизнь семьей в скиту или раздельное проживание в общежительстве. Как свидетельствуют выговские источники, не всем семьям это решение давалось легко. Так, например, Иван Филиппов, поселившийся сначала на Лексе, ниже Надеждина скита, держал совет с женой, «где бы има лучше жити: в ските ль или итти во общежителство. Супруга же его, аще во общежителство и зело итти не хотяще, однако для горячей охоты дщери своея, оба соизволиша итти во общежителство».¹² Афанасий Леонтьев по благословению настоятелей неоднократно убеждал жену перейти в общежительство, но она «не покорися воли его, не пошла»; он привез в пустынь «погостить» дочь,

---

История Выговской старообрядческой пустыни СПб, 1862 С 356) Родная сестра Захария Стефанова Дровнина Прасковья, бывшая замужем за сыном шунгского попа Марка Хрисанфова, которого выговцы обвиняли в подаче на них изветов и сказок, оставила мужа, ушла на Выг, где позже приняла постриг с именем Пелагеи (подробнее см Юхименко Е М Новые материалы о начале Выговской пустыни // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 47 С 328—342)

⁴ См Филиппов И История С 120—122, 130, 131

⁵ См Там же С 95, 97, 166, 168, 283, 307, 336

⁶ РГБ, ф 17, № 430, л 3—3 об

⁷ Подробнее см Нильский И Семейная жизнь в русском расколе Исторический очерк раскольнического учения о браке СПб, 1869 Вып 1 От начала раскола до царствования императора Николая I С 1—199

⁸ Филиппов И История С 83, 104—106

⁹ Там же С 88

¹⁰ Там же С 108

¹¹ Там же С 135

¹² Гурьянова Н С «Житие» Ивана Филиппова // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы) Новосибирск, 1989 С 249

которой сначала не понравилось, и она возвратилась к матери, затем вновь приехала на Выг «поучиться грамоте», обжилась здесь и «наука родителя своего отца по матерь ехати, и мати не восхоте итти, отказала...».¹³

Строгость монастырской жизни, регламентированной многочисленными уставными статьями, была под силу не каждому. Это приводило если не к уходу из Выговской пустыни, то к переселению в скиты. Толвуянин Григорий Иванов пришел в монастырь с женой и детьми, но «дети его не могоша монастырскаго жития понести и нужду терпети, изыдоша из монастыря в волость, но оный Григорий их ради не смутися и не соблазнися, токмо о них Бога моля о обращении».¹⁴ Ияков Стефанов, брат келейника братьев Денисовых Петра Стефанова, вышел из монастыря в Шелтопорожский, затем Солотозерский скит; жена его и дочь остались в обители.¹⁵ Другие случаи ухода из общежительства объясняются, видимо, желанием сохранить родственные и семейные связи. Тимофей Хотеев вышел из монастыря и поселился на погосте с женою и детьми.¹⁶ К тетке, дяде и братьям перебрался в Сергиевский скит из общежительства Григорий Яковлев.¹⁷

Родственные чувства на Выгу открыто не осуждались, но не они были идеалом построенного на монастырских началах общежительства. Идеалом было «сопряжение» любви «сроднокровной» с любовью духовной.¹⁸ Старообрядческая киновия стала новой формой социальной общности, новой семьей для ее членов, и узам, связывающим общежительное братство, отдавалось предпочтение перед связями мирскими. Эта идея нашла отражение в описании погребений выговских наставников. По-видимому, одним из первых ее выразил Семен Денисов в окружном послании по поводу смерти Андрея Денисова: «Не тако сродники своим сродником многожалостное происхождение совершают, яко превозжеленному нашему отцу безчислении народи многоплачевное погребения происхождение сердцеплачевно сотвориша. Не тако чада родителей, сынове отец своих горкостезно рыдают, яко zde общаго всех отца вси собравшиися отцы, вси стекшиися многочисленнии людие, толико премногим плачем, толико множайшим воплем ко гробу проводивше, погребению предаша».¹⁹ В сходных выражениях эта идея была повторена Иваном Филипповым в вошедших в «Историю Выговской пустыни» главах о преставлении Андрея Денисова, Даниила Викулова и Соломонии Денисовой.²⁰

Основным предметом родственного попечения на Выгу являлась забота о духовном спасении близких людей. Иван Круглый в допросе 12 июля 1738 г. показывал: «Которые люди в то общежительство в раскол придут, и у тех людей в том месте, откуда они пришли, останутся отец и мать или родственники, то те раскольнические учителя Семен Денисов с товарищи

¹³ Филиппов И. История... С. 322.

¹⁴ Там же. С. 291—292.

¹⁵ Там же. С. 295.

¹⁶ Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII ст. СПб., 1861. Т. 1. С. 457—458.

¹⁷ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. № 5. С. 325—326; Гурьянова Н. С. Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 230.

¹⁸ Андрей Денисов в послании Петру Прокопьеву и сестре Соломонии по поводу заключения Семена Денисова писал: «Вем, яко с духовною сроднокровная спрягшиися любовь, кипящая пламы, наипаче в печальных случаях подают сердцу...» (РГБ, ф. 98, № 1992, л. 119 об.).

¹⁹ РГБ, ф. 98, № 425, л. 58 об.

²⁰ Филиппов И. История... С. 213, 254, 263.

учат молиться за них Богу: „Приведи, Господи, в православную веру и во святое крещение...“». ²¹ Старшие в семье пеклись о богоугодном житии младших. Пример такой заботы подавал сам Андрей Денисов. Его послание к младшему брату Ивану о страхе Божиим начинается характерным противопоставлением: «Иже союзом от сроднических кровей или от дружелюбия связаннии и ведущии дружелюбныя союзы соблюдати, тии во отлучении негде бывше или чрез море плаваня или путешествия странствующе, возвращше же ся, с любезными своими по любезнейшем целовании не могут насладитися, в повестех, или яже слыша, или видеша, со мною же сладостию и повествующе, и слышаще, к друг другу совнимают и собеседуют. Како же не тако нам, о дражайший и любезнейший брате, иже от единых благочестивых кровей породившимся и во единых родительских объятиях жалостне воспитанным и единым союзом духовныя любви связанным и в дальнем разстоянии и в давнейшем свидании, како наипаче друг другу со желанием и целование, и собеседование подати долженствуем». ²² Далее выговский киновиарх пишет: «...собеседовати отсюду, аки лицом к лицу, усердствуем и благодатныя сладости и пользы духовныя насладитися рачительствуем». ²³ Послание Андрея Денисова брату Ивану не носит частного характера; оно близко по жанру к проповеди и подразумевало, видимо, более широкий круг слушателей. Этим объясняется факт его неоднократной переписки. ²⁴

В составе конволюта 10—20-х гг. XVIII в. дошло до нас другое аналогичное послание, также содержащее наставления в богоугодном житии. «Единокровне и единоутробне брате Дмитрие, — обращается старший брат к младшему, ²⁵ — с приклонением колену и главы моея молебнo предлагаю ти совет о духовнем жителстве, да множае будем братия по закону духа, неже по закону плоти». ²⁶ Содержащиеся в послании многочисленные наставления обращены к конкретному человеку и проникнуты искренней любовью и заботой. Особенно интересно наставление «не отступати братства», ²⁷ которое позволяет считать это произведение современным посланию Андрея Денисова брату Ивану.

²¹ Есипов Г В Раскольничьи дела С 443

²² РГБ, ф 310, № 1252, л 143 об —144 Написание этого послания, скорее всего, следует отнести к 1709—1718 гг., когда Иван Денисов жил в Москве (см Филиппов И История С 299—302) Иван Филиппов так объясняет причину возвращения младшего Денисова на Выг « нача немоществовати вельми и убоися страха и суда Божия и смерти» (Там же С 300)

²³ РГБ, ф 310, № 1252, л 144

²⁴ См Дружинин В Г Писания русских старообрядцев СПб, 1912 С 108, № 71

²⁵ Этот вывод основывается на заключительных строках письма, в которых автор сообщает о себе «Аз убо от прошлогодных смертных дву случаев толико немощен есмь и бываю, яко и брашна добротворна естество мало и не в сладость приемлет, и малое правилце со многим трудом и болезнию исполняю, и, присно на одре лежа, пребываю» (ГИМ, Хлуд 100д, л 371) Характер же наставлений свидетельствует, что они обращены к человеку молодому или, по крайней мере, средних лет

²⁶ ГИМ, Хлуд 100д, л 364

²⁷ Старший брат поучает «Терпи пребывая, не отступая братства, или в кое место за послушание послан будещи настоятелими, не бо в прехождении и разлучении укротиши страсти, острожелчие и горесть и скучливое сердце разжение Зри убо нетерпением отступившыя от братства и мзды сятаго послушания бедне отпадшыя, како от места на место и от страны на страну сами себе гонение бывають и нигде же покоя обратают, ови от них прошаки бывають, друзии же работою у мирян, яко раби куплении, нужною пищею утешаются, инии же в степень татей рукоположиша себе Ты же, брате любезный, внимай себе сия вся и разсуждай злобеднаго же их хлеба ради скитания и душевнаго заблуждения страшися, да не впадещи в сия и да не восплачещи последи бесполезно Внимай себе, несть места без труда, несть человека кроме скорби и печали» (ГИМ, Хлуд 100д, л 369 об —370 об) Население Выга значительно сократилось в голодные 1705—1712 гг

Забота о спасении души пронизывала и отношение родителей к детям. Павел Торомский жил на острове один в келье, позже сюда он перевез семью; дети его «живяху детское житие в бестрашии всяком», их стали одолевать бесы; Павел же, «слышав се, нача детей своих жестоко учить и наказовати и изучи их грамоте и постриже их во иноческий образ».²⁸ Жившая на Лексе старица Каптелина «дщерь малую Анисию имела, на правило нощю востати понуждала. А иногда, за власы возьмше, пред образом Божиим поставляше, и тое ея житие не довольно виделося ко спасению».²⁹ Родители старались обучить детей грамоте. Иоанн ковач из Кижского села по совету настоятелей привез на Выг двух своих сыновей и «изучи оных грамоте».³⁰ Мануил Петров около 1719 г. перевез на Выг с Петровских заводов свою семью: жена Мария поселилась в Лексинском общежительстве, а сына Петра Мануил «взял к себе в жилище мужское и грамоте обучил».³¹ Пагубность заботы об одном лишь теле, а не о душе рисует один эпизод из ранней истории пустыни, подробно описанный Иваном Филипповым. Во время голода, преследовавшего выговцев несколько лет подряд в начале XVIII в., матери стали тайно кормить своих детей. Выговские настоятели усмотрели в этом «бесовское научение», имевшее следствием «диавольское нападение» «на малых робят», и стоило многих молитв и труда избавиться «от такового лютаго бесовскаго мучительства».³²

История Выговской пустыни знает целый ряд случаев, когда родственников объединяло общее богоугодное занятие. Это относится к трудам настоятельским, литературным, книжным, иконописным. Что касается последних, то иконописание и на Выгу продолжало оставаться семейным промыслом. Писали иконы братья Даниил, Иван и Никита Матвеевы.³³ Алексей Гаврилов, «главный мастер»-иконописец, живший в Березовском скиту, работал с дядей своим Василием Ларионовым.³⁴ Иконописанием занимались тихвинцы Артемий Семенов и его сын Петр Артемьев.³⁵

Наиболее яркий пример «сопряжения» любви духовной и родственной являет в истории Выговской пустыни семья Дионисия Евстафьева. Его сыновья Андрей и Семен были первыми настоятелями в мужском монастыре, дочь Соломония — в женском. Первый выговский уставщик Петр Прокопьев приходился Денисовым родным племянником.³⁶ В родственных отношениях к этой семье состоял и Трифон Петров,³⁷ заместивший Петра Прокопьева после его смерти в должности уставщика.

Первым пришел на Выг в декабре 1691 г. семнадцатилетний Андрей Денисов, оставив родной дом и «гору точию сожительницу и ручей соседа себе избраша».³⁸ В пустыни Андрей «елико о спасении своея души печашеся, толико и о средстве своем Спасителю моляшеся».³⁹ Вскоре в отсутствие

²⁸ Филиппов И История С 132

²⁹ Там же С 347

³⁰ Там же С 281

³¹ РГБ, ф 17, № 430, л 3

³² Филиппов И История С 109—111

³³ Есипов Г В Раскольничьи дела С 416, Яковлев Г Извещение праведное № 7 С 476

³⁴ Яковлев Г Извещение праведное № 7 С 476

³⁵ Есипов Г В Раскольничьи дела С 416

³⁶ Подробнее родословие Денисовых и Петра Прокопьева рассмотрено в статье Юхименко Е М Новые материалы

³⁷ Это следует из того факта, что Трифон Петров приходился «весьма недалним» родственником Петру Прокопьеву (РГБ, ф 236, № 207, л 155 об)

³⁸ Филиппов И История С 99

³⁹ Там же С 100 Следует отметить, что семья Дионисия Евстафьева и до переселения на Выг была старообрядческой. Этот дом посещали многие проповедники древнего благочестия

отца он уводит на Выг сестру Соломонию, чем вызывает сильный гнев главы семьи. По свидетельству «Жития Андрея Дионисиевича», в это же время Андрей забрал с собой из Повенца племянников Петра и Февронию Прокопьевых.⁴⁰ В 1697 г. к ним присоединился и Дионисий Евстафьев с сыновьями четырнадцатилетним Семеном и десятилетним Иваном. Выговцы построили «малую келейцу Андрею жити со отцем и з братиею».⁴¹ По-иному оценил эту келью Мартемьян Никифоров сын Ивантеев в своем доносе на Выговскую пустынь 1699 г.: «И у них, пущих воров, у Данилки (Даниила Викулова. — Е. Ю.) и у Дениска с сыном и с племянником, построены особые белые кельи на жилых подклетах, подобны светлицам, и печи в тех их особых воровских кельях ценинные, и в тех же их кельях держат часы стенные».⁴² В конце 1710-х гг. Андрею «з братиею» (Дионисий Евстафьев умер в 1705 г.) была поставлена новая келья.⁴³

Надо полагать, что именно Андрей занялся обучением братьев. Самый младший, Иван, уже до прихода в пустынь «поучен бе грамоте писатое число», на Выгу же «изучися вельми горазд и остр по книгам и писатое вельми изучися и поживая в монастыре ово в церковном, а ово писаше книги».⁴⁴ Семен был более одаренной натурой; он учился у Андрея «с великим тщаливым подвигом» грамматике, риторике, философии,⁴⁵ «научаяся и наставляяся» от него также литературному мастерству.⁴⁶ Старший брат стал вводить младшего и в круг настоятельских забот: они предпринимали совместные поездки (иногда к ним присоединялся Петр Прокопьев и другие выговцы) за книгами и иконами, в голодные годы ездили в Нижний Новгород и Москву за хлебом.⁴⁷ В одну из таких поездок Семен взял в Москву брата Ивана «для списывания книг», поскольку младший брат «в нужные годы не возможе нужды понести, понеже в монастыре соломянной хлеб ядыху».⁴⁸ Иван Денисов прожил в Москве 9 лет, никак не решаясь вернуться на Выг. Именно к этому периоду относится, видимо, рассмотренное выше послание к Ивану Андрея Денисова. Самый тон этого поучения, довольно сухой, а также отсутствие указаний в других источниках на какое-либо более тесное общение между братьями в период разлуки дают основание предположить, что Иван Денисов стоял несколько в стороне от деятельности Андрея и Семена и его духовная связь с ними не была столь глубока и крепка, как между старшими братьями.

Совершенно иначе обстояло дело, когда в 1713 г. Семен Денисов попал в заключение в новгородскую тюрьму. Этот эпизод, имевший исключительно большое значение в истории Выговской пустыни, был подробно про-

в Поморье, в частности соловецкий дьякон Игнатий (см.: РГБ, ф. 17, № 64, л. 16 об. «Житие Симеона Дионисиевича»; ГИМ, Увар. 344/527, л. 15 об.—16, 25. «Житие Андрея Дионисиевича»).

⁴⁰ ГИМ, Увар. 344/527, л. 42.

⁴¹ Филиппов И. История... С. 112.

⁴² Юхименко Е. М. Новые материалы... С. 339.

⁴³ Филиппов И. История... С. 150.

⁴⁴ Там же. С. 299.

⁴⁵ РГБ, ф. 17, № 64, л. 23—23 об.

⁴⁶ Яковлев Г. Извещение праведное... № 6. С. 404.

⁴⁷ Филиппов И. История... С. 136, 139, 157; РГБ, ф. 17, № 64, л. 22 об.; Яковлев Г. Извещение праведное... № 4. С. 240.

⁴⁸ Филиппов И. История... С. 299. В «Хронологическом ядре староверческой церкви» (1822) Павел Любопытный отмечал, что «Симеон Денисьевич, сострада брату своему меньшему Иоанну в великом гладе Выгорецкой киновии, убедился из оной его взять и водворить в избилующий царственный град Москву» (РГБ, ф. 98, № 1765, л. 134 об.—135).

анализирован Н. В. Понырко.⁴⁹ Нам бы хотелось, опираясь на созданные в это время литературные памятники (в том числе неизвестные ранее), проследить, как в это тяжелое для Выга четырехлетие проявились родственные узы главных участников событий. Основную часть выговского эпистолярного наследия, относящегося к заточению Семена Денисова, составляют послания либо от лица всей выговской братии,⁵⁰ либо обращенные ко всем выговским насельникам (3 послания Андрея Денисова,⁵¹ 8 — Семена Денисова,⁵² 1 — Леонтия Федосеева⁵³). Кроме того, до нас дошло и несколько частных посланий: Семена Денисова — к Соломонии Денисовой и Петру Прокопьеву,⁵⁴ Андрея Денисова — к Семену, Петру Прокопьеву и Соломонии.⁵⁵

Все выговские источники отмечают, что Андрей Денисов в течение четырех лет неустанно хлопотал за брата в обеих столицах. Семен сокрушался по этому поводу: «О, колики труды и печали приложих свету братцу и святому братству».⁵⁶ Заточенный в новгородской тюрьме, внутренне готовый «пострадать за веру Христову», Семен Денисов тосковал и по Выгу, и по своим родным. Письма Семена к Андрею не сохранились, хотя они безусловно существовали.⁵⁷ Видимо, ответом на одно из этих посланий является сохранившееся письмо Андрея: «Не скорби, не тужи, юзниче Христов, о долговременном твоём заключении, ниже тоскуй, страдалче Господень, о многомесячном твоём оземствии, ни вменый оставлена быти себе и отриновена от милости Господни».⁵⁸ Старший брат укрепляет младшего в подвиге стояния за веру: «Ты же, рабе Христов, подвизайся и крепишься, и юзы, и раны, и муки, и глад, и всякую нужду, конечное же и смерть с любовию приемли Христа ради и вечныя ради благия надежды».⁵⁹ Лишь в самом конце письма, которым Андрей хотел приободрить узника, прорывается боль и страдание: «Писавый о с коликою верою и любовию поклоняется и молитв и благословения зело требует».⁶⁰

В своих посланиях на Выг по поводу заточения Семена Андрей Денисов избегает проявления своих личных переживаний, в письме же Соломонии и Петру Прокопьеву он сам ищет себе поддержки и сочувствия: «Вем, яко с духовною сроднокровная спрягшися любовь, кипящая пламы, наипаче в печальных случаях подают сердцу, наипаче вам, мню, продолженная печаль, о любезнейший П[етр] П[рокопиеви]ч и любоболезненная сестрицо С[оломония] Д[ионисие]вна с прочими единосродными и единолюбобными и з болезнующими. Разумею клокочующее печальными помыслы сердце. Чюю

⁴⁹ Понырко Н. В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 297—303.

⁵⁰ Дружинин В. Г. Писания... С. 159, № 108.

⁵¹ Там же. С. 101, № 46, 47, 49.

⁵² Там же. С. 152—153, № 88—91. Четыре новонайденных послания Семена Денисова указаны нами в статье: Юхименко Е. М. Вновь найденные письма Семена Денисова // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 409.

⁵³ Оpubл.: Юхименко Е. М. Новые данные к биографии Семена Денисова // РЛ. 1990. № 2. С. 168—170.

⁵⁴ Два неизвестных ранее письма Семена Денисова указаны в статье: Юхименко Е. М. Вновь найденные письма... С. 409.

⁵⁵ Дружинин В. Г. Писания... С. 101, № 48; С. 102, № 50.

⁵⁶ Юхименко Е. М. Новые данные... С. 170.

⁵⁷ Леонтий Федосеев сообщал на Выг: «Саморучная написания юзнича отсылаю в Питер ко Андрею Д[ионисиеви]чю» (Там же).

⁵⁸ ГИМ, Хлуд. 100д, л. 360.

⁵⁹ Там же, л. 361 об.

⁶⁰ Там же, л. 362 об.

многоскорбными волнения томящуюся утробу. Внимаю плачевными точении окропляющееся лице. Но что скорблю и скорбим, что, сердце, мятешися, что, ум, смущаешися. Вскую прискорбна еси, душе моя, вскую смущаеши мя». ⁶¹ В письме Андрей Денисов утешает и себя, и своих адресатов, призывает их уповать на Бога. И все-таки тревога за судьбу брата не проходила; особенно это чувствуется в заключительной фразе послания: «Пространнее же во общем письме, в скорби оставшихся, написах». ⁶²

Андрей Денисов в своих письмах к Семену, видимо, старался скрыть от брата охватившую его скорбь. Иное дело была сестра. До Семена Денисова дошли слухи о том, как сильно сокрушалась по поводу его заточения Соломония (быть может, она и сама писала ему об этом). Упоминание об этом вошло даже в «Историю Выговской пустыни»: «Тогда она Соломония в то во все время вельми печаловашеся безмерною печалию о брате своем, понеже его вельми любляше паче прочих и от той безмерной печали скорбь себе и болезнь притяжа». ⁶³ Семен очень беспокоился за сестру; он писал ей из заключения: «Молю тя убо, о любезная ми сестро, щедротами Божиими не вдати себе во излишния болезней печали и присная рыдания за мое невольное заключение... Горко разлечение, но Богу умило-сердившуся, сладостнейше явится совокупление. Болезнено ти мое во узак томление, но з благодумиеш претерпевшу ми грехов отпущение будет. Долгость ли моего заключения опечалает тя, но продолжайшия моя безчисленныя грехи очистити мой Владыка и смирити сердце мое... Боиши ли ся смерти моя и от здешних скорбнаго и нужнаго разлучения, яко утешающих тя в скорби оскудевши, не ужасайся: без Божия промысла ничто же содеется люто...». ⁶⁴ В своей печали Соломонии следует искать заступничества у Бога, Богородицы и всех святых, но, кроме того, пишет Семен: «Имаши отца — единоутробнаго тебе и мне света милостивейшаго брата, отечески и паче о нас пекущагося. Имаши брата, имаши сердоболи и сродники и благополезныя убо, и случившемуся над мною чесому не восплачи, но паче великодушне понеси». ⁶⁵

Испытывая беспокойство за сестру, Семен обращается и к другим лицам — «сердоболям и сродникам» — с просьбой утешить Соломонию. В послании на Выг от 4 марта 1714 г. Семен делает приписку, адресованную Петру Прокопьеву: «Ты же, о прелюбезный сердоболу, наисладчайший сродниче П[етр] П[рокопьев]ич, не забуди многопечалныя и горкоболезненныя моя С[оломонии], твоя же сродницы. Буди печали утешение, рыданию веселие, немощи жезл, напасти кров, от всякия злых случений не имущия, камо прибегнути в настоящее время». ⁶⁶ 25 августа 1714 г. Леонтий Федосеев сообщал на Выг, что Семен в своих довольно частых письмах к нему из темницы «молит... грамоточками сестру С[оломонию] Д[ионисьевну] увещавати, дабы не излишествовала, рече, о мне (т. е. Семене. — Е. Ю.) печальми». ⁶⁷

Во время заточения Семена Денисова в новгородской тюрьме не прерывалась его духовная связь с Петром Прокопьевым. 20 апреля 1714 г. Петром Прокопьевым от лица всей выговской братии было написано пос-

⁶¹ РГБ, ф. 98, № 1992, л. 119 об.

⁶² Там же, л. 120 об.

⁶³ Филиппов И. История... С. 260.

⁶⁴ РГБ, ф. 98, № 1992, л. 158 об.—159.

⁶⁵ Там же, л. 160.

⁶⁶ Там же, л. 154 об.—155.

⁶⁷ Юхименко Е. М. Новые данные... С. 170.

вание Семену Денисову.⁶⁸ Это сочинение не носит частного характера, но и в нем иногда прорываются личные чувства автора. На Выгу распространились слухи о смерти Семена Денисова («о в коликия печали впадохом, о коликия скорби нас постигоша, о коликими копии прободается наша утроба»);⁶⁹ позже это известие не подтвердилось: «О коликими распалении сердечными лобызавше и печальными и радостными слезами покропивше и, яко ненадежная нам уже николи же быти получивше, Богови благодарение из глубин душевных воздавше», — восклицает Петр Прокопьев.⁷⁰ Несмотря на радостные вести, выговцы понимали, что положение Семена Денисова оставалось неопределенным, поэтому Петр Прокопьев завершает свое послание просьбой: если Семену будет суждено перейти в жизнь вечную и предстать перед вышшим судом, то помянуть «отец своих и братию и сродных и единоплеменных, с ними же и совозрасте, и совоспитася».⁷¹

Семен Денисов ответил на это послание Петра Прокопьева небольшим письмом («моему пржежеланному молитвеннику и к Богу ходатаю»). «За вся же толико многая, — писал Семен из заточения, — тако великая подвижания, моления, слезы и рыдания малейшими и ничтожными чрез сие писанейце гласы благодарствую и хвалословлю, целую молитвопредстоятельныя стопы, руце и самая молитвы честною устну твоею, поклоняюся, припадаю, усугубляю и умножаю».⁷²

В ночь с 7 на 8 сентября 1717 г. Семен Денисов бежал из тюрьмы.⁷³ Как свидетельствует «Житие Симеона Дионисиевича», Семен, «бояся о себе взыскания», не мог сразу вернуться в общежительство и около полугода прожил в Москве,⁷⁴ на Выг он возвратился только в феврале—марте 1718 г. Но и на Выгу Семен жил «во укрьвательствах... у брата своего Андрея немалое время, всякую помощь в его правительстве учиняя, в советах ему помощник велий бываше».⁷⁵ Одновременно Семен Денисов занимался самообразованием и совершенствованием литературного мастерства.

Из выговской истории известно несколько примеров сотрудничества Андрея и Семена Денисовых на писательском поприще. В 10-е гг. XVIII в. Семен «по умолению же отец, паче же по принуждению брата Андрея», принялся за сочинение «Истории о отцах и страдальцах соловецких».⁷⁶ Видимо, многие выговцы участвовали в сборе подготывительных материалов к этому произведению, основанному преимущественно на устных источниках. Среди них были и Петр Прокопьев⁷⁷ и, безусловно, Андрей

⁶⁸ В указателе В Г Дружинина это послание значится как анонимное (Дружинин В Г Писания С 159, № 108) Однако авторство Петра Прокопьева очевидно из текста (послание завершается просьбой «воспоминание творити» «о дерзнувшем написати малое сие начертание недостойном уставщике») В одном из авторских выговских сборников 10—30-х гг XVIII в это сочинение прямо приписывается Петру Прокопьеву «Петрово Из братства к кюзику в Новград» (РГБ, ф 98, № 1992, л 226)

⁶⁹ Там же, л 227 об

⁷⁰ Там же, л 229

⁷¹ Там же, л 332 об

⁷² РГБ, ф 579, № 17, л 33—33 об

⁷³ Андрей Денисов в послании на Выг по поводу освобождения Семена писал «В ночь, в ню же вы Рождество Пречистыя Богородицы славословите, Пречистая тогда освобождение заключенному произведе» (РГБ, ф 98, № 1992, л 51) Здесь же на полях указана дата «в лето 7226 (1717-е)»

⁷⁴ РГБ, ф 17, № 64, л 35 об

⁷⁵ Там же, л 36

⁷⁶ Там же, л 24 Обоснование датировки памятника см Юхименко Е М Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова — памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в Автореф дисс канд филол наук Л, 1991 С 11

⁷⁷ В 1698 г Петр Прокопьев «с товарищи» ездил в Сумский острог, чтобы перенести на Выг останки бывшего соловецкого подьячего Ивана Захарьева (см Юхименко Е М

Денисов, хорошо знавший соловецких выходцев дьякона Игнатия и Геннадия Качалова.⁷⁸ «Много пособствовал» Семен Андрею в написании Поморских ответов. При общности литературной школы писательская манера была у каждого своя (об этом в конечном счете свидетельствует и их творческое наследие). В «Житии Андрея Дионисиевича» сохранился рассказ о возникшем между братьями творческом споре: «Егда же благоревностный брат его и ученик Симеон Дионисьевич написау что весьма ревностно, тогда он (Андрей Денисов. — Е. Ю.), прочетше тое, воспрещаше ему, дабы тако не творил».⁷⁹

Семен Денисов посвятил брату целый ряд сочинений. Традиционно на Выгу в день тезоименитства настоятелей им подносились поздравительные слова. Из многочисленных слов, посвященных Андрею Денисову (помимо трех слов, указанных в «Писаниях русских старообрядцев» В. Г. Дружинина, в настоящее время известно еще 7),⁸⁰ четыре принадлежат перу его брата.⁸¹ В этих сочинениях, «преизобильно украшенных» по всем правилам выговской литературной школы, Андрей Денисов прославляется как наставник, к которому выговцы, «яко овцы к пастырю, яко ученицы ко учителю, яко дщери ко отцу, яко сироты к питателю, притекающе».⁸² Слова на тезоименитство Андрея Денисова, как и вообще выговские слова подобного жанра, могут прибавить весьма немного к характеристике автора и его взаимоотношений с адресатом, поскольку в этих сочинениях редко находят отражение какие-либо конкретные факты или события. Одно из исключений составляет слово Семена Денисова, открывающееся отнюдь не случайным сравнением: «Елико прелюбезна всекрасная весна по зимнем оскорблении... толико все сладостно нам по толиких скорбех, по толиких стужетерпениих келиотеплое упокоение...».⁸³ Семен Денисов прославляет настоятельские подвиги и личное мужество Андрея, проявленные им после двух сильных

Новые материалы... С. 340). Видимо, во время этой поездки и были собраны устные предания об одном из первых соловецких мучеников, которые затем вошли в «Историю о отцах и страдальцах соловецких».

⁷⁸ Указание на беседы Андрея Денисова с Игнатием Соловецким, который был его крестным отцом, содержится в «Истории Выговской пустыни» (Филиппов И. История... С. 82). Позже оно было повторено автором «Жития Андрея Дионисиевича» (ГИМ, Увар. 344/527, л. 24 об.). О постоянном общении Андрея Денисова с Геннадием Качаловым писал сам Семен в одном из надгробных слов брату (РГБ, ф. 98, № 682, л. 25 об.).

⁷⁹ ГИМ, Увар. 344/527, л. 113 об.

⁸⁰ См.: Дружинин В. Г. Писания... С. 128, № 184—186. Три анонимных слова были обнаружены в составе выговских рукописных сборников: 1) Текст: Образ буди верным словом, житием, верою и проч. Словеса сия святаго апостола Павла к Тимофею писаная. Послание 1, гл. 4, стих 12. Нач.: Аще премудрый он муж, всечестнейший господине настоятелю и отче вселюбезнейший... (РГБ, ф. 98, № 425, л. 2—7); 2) Нач.: Преславное днесь благополучия богатство, прекрасное торжествования изобилие... (Там же, л. 13—15; ф. 98, № 682, л. 97—99 об., почерк Мануила Петрова); 3) Пречестнейший отче отцов и премилостивейший наш господине Андрей Денисьевич. Нач.: Светлость настоящего дне светлейшаго тезоименитства твоего... (Там же, л. 112—114).

⁸¹ 1) Нач.: Всекрасное нам позорище, позорище днесь многосветло и пречюдно отверзается... (РГБ, ф. 98, № 425, л. 18—21 об., черновой автограф; № 682, л. 67—72); 2) Нач.: Всемилосердным ти и благодравственным прибытием днесь, всечестнейший имянниниче... (РГБ, ф. 98, № 425, л. 16—17; № 682, л. 94—96); 3) Нач.: Елико прелюбезна всекрасная весна по зимнем оскорблении, всечестнейший и вседражайший наш пастырю и учителю... (РГБ, ф. 98, № 682, л. 91—93); 4) Нач. Красна баху и зело сладостна у премудрых афинеов совершаемая начальствующим именовторительная торжества... (РГБ, ф. 98, № 425, л. 8—10, список с авторской правкой; № 682, л. 100—103 об.). В сборнике из собр. Е. Е. Егорова № 682 слова Семена Денисова переписаны Мануилом Петровым, им же указано и авторство трех последних слов.

⁸² РГБ, ф. 98, № 682, л. 92 об.

⁸³ Там же, л. 91.

пожаров 1727 г.: одного на Лексе 15 мая и на коровьем дворе 27 мая. «Отъяты быша от нас за грехи жилища наша, — пишет Семен Денисов, — но не отъяся благоутробие твоего отечества; опалишася келии, но не опалися твое попечение; пояде пламень одежды и нуждныя потребы, но мужество твое вышше всех страданий пребывает и в скорбех, яко в радости, непоколеблемо воинствует... Ким бо ныне паки устроихомся, аще не твоим присным попечением; ким келейная жилища сладостно восприяхом, аще не твоим отеческим подвизанием, ким перваго упокоения и тишины все-радостно наслаждаемся, аще не твоими благопопечительными поты...».⁸⁴ Судя по этому фрагменту, данное слово могло быть поднесено Андрею Денисову в день Андрея Стратилата 19 августа 1728 или 1729 г.,⁸⁵ т. е. явилось одним из последних поздравительных слов выговскому киновиарху.

Умер Андрей Денисов 1 марта 1730 г. Здоровье его было, видимо, подорвано именно «всеусердными подвигами» по строительству Лексинской обители.⁸⁶ На Выгу обряд погребения и помяновения наставников (в 40-й день по кончине и ежегодно) сопровождался произнесением сочиненных по этому случаю слов. Андрею Денисову посвятили надгробные слова Трифон Петров,⁸⁷ Даниил Матвеев,⁸⁸ Даниил Викулов,⁸⁹ Иван Филиппов⁹⁰ и другие выговские книжники.⁹¹ Семену Денисову принадлежат окружающие послание по поводу смерти Андрея, два надгробных слова и вирши.⁹²

Первое слово было произнесено при погребении Андрея Денисова 6 марта 1730 г. Это сочинение исполнено острой, еще нисколько не приутихшей боли: «О преизостренныя жалостей стрелы, и адамантская прободающыя болезненно сердца! О многопечалныя преогорчения чаши, исполняющыя горести и жестокия утробы! О рыдания безутешнаго, и бездушныя вещи понуждающаго рыдати!». ⁹³ И хотя Семен Денисов в слове использует множественное число, за литературной формой без сомнения угадываются и его личные чувства: «И что много глаголати. Андреа таковаго лишаемся, о нем же вси живяхом, двизахомся, испытательно содержахомся.

⁸⁴ Там же, л 91 об — 92

⁸⁵ Из «Истории Выговской пустыни», где подробно описаны труды выговцев по ликвидации последствий пожаров 1727 г (см Филиппов И История С 191—211), известно, что первые кельи были построены «в самую осень, уже по снегу» и всю зиму 1727/28 г шла заготовка строительных материалов, весной и летом 1728 г была возведена часть общественных построек, и прежде всего часовня, полностью монастырь был отстроен лишь летом 1729 г. Таким образом очевидно, что данное слово Семена Денисова не могло быть написано ранее 1728 г.

⁸⁶ Андрей Денисов не только организовывал строительство, но и подавал личный пример братии в перевозке бревен, сплаве их по рекам и т п См Филиппов И История С 202, 204, РГБ, ф 98, № 682, л 18 (Семен Денисов Слово надгробное Андрею Денисову)

⁸⁷ Дружинин В Г Писания С 228, № 4—5

⁸⁸ На это указывал Григорий Яковлев (Яковлев Г Извещение праведное № 6 С 402, № 7 С 489), в настоящее время это свидетельство подтвердилось обнаружением принадлежащего перу Даниила Матвеева черновика слова, ранее считавшегося анонимным (см Дружинин В Г Писания С 129, № 194) БАН, Друж 200 (241), л 116—116 об)

⁸⁹ Слово, произнесенное Даниилом Викуловым при погребении Андрея Денисова (см Яковлев Г Извещение праведное № 6 С 402), видимо, не сохранилось

⁹⁰ Дружинин В Г Писания С 261, № 3

⁹¹ В Г Дружининим указано несколько анонимных слов См Дружинин В Г Писания С 129—130, № 195—200

⁹² Там же С 157, № 97, С 148, № 58, С 150, № 66 Григорий Яковлев при перечислении сочинений Семена Денисова отмечал «стих надгробный брату своему Андрею на два роспева, ему же начало „Приидите, восплачем вси“» (см Яковлев Г Извещение праведное № 7 С 486) У В Г Дружинина стих с таким началом ошибочно отмечен как анонимный (Дружинин В Г Писания С 131, № 200)

⁹³ РГБ, ф 98, № 1992, л 188 об

Андреа такового, якова другаго не обретається. Андреа единого, ему же инаго подобна не взыскується».⁹⁴ Слово завершается обращением Семена Денисова с молением к Петру Прокопьеву («приими... прелюбезнаго тебе и нам киновиарха, близокровнаго и приснаго ти сохрамника»), Дионисию Евстафьеву («Дионисие, всечестнейший многомолитвеннейший старче и общий наш родитель и отче, приими своего любезнаго ти и всежеланнаго сына...»), Мемнону, Андрею Стратилату.⁹⁵

8 марта 1730 г. Семен Денисов написал окружное послание, сообщая «отцем и братьям... во трудех и службах повсюду трудоподвизающимся», подробности о смерти и погребении Андрея. В описании последних дней жизни выговского киновиарха Семен старался скрыть свою скорбь, лишь в заключении у него вырывается: «Нас отвсяду сиры до конца, убоги и умилены и еле дышущия от скорби остави».⁹⁶ Глубокая печаль чувствуется в словах, завершающих описание «многоплачевнаго погребения»: «Мы же ныне отвсяду стеснени суще, отвсяду печалию несносною окружени, отвсяду сетования вретischem одеяни и, что сотворити, не знаем, что ли содействовати, недоумеем. ...И на каждую вещь, на каждое место смотряще, все без лепоты, все безобразно показується. Обновляем вопль, приплодствуем рыдание, умножаем слезы...».⁹⁷

Позже, возможно, на 40-й день, было написано Семеном Денисовым еще одно слово, посвященное Андрею. Как и в двух предыдущих сочинениях, Семен подчеркивает, что смерть старшего брата — это больше, чем его личная утрата, это восполнимая потеря для всей пустыни («единого того и таковаго имуще, едини внезапно лишихомся»). Основное содержание слова составляют воспоминания о жизненном пути Андрея Денисова, причем сообщаемые здесь подробности о его частной жизни и отдельных чертах характера свидетельствуют о том, что произведение написано человеком близким, делившим с Андреем трудности и заботы. «Печаль ли когда приходяше, — пишет Семен Денисов, — но оного великодушия не стираше; скорбь ли и болезнь обимаше, но мужества тому не соотимаше, не низлагаше твердости, не одолеваше храбрости».⁹⁸ Особо Семен подчеркивает целомудрие Андрея: «Какова же опасность того целомудрия, коль презирядно в нем блисташе, яко никогда же его опроставшася, никогда забывшася видети бяше: солнце не виде во едином хитоне, келия не узре его во едином свитце ишедша, ниже сожителие келейнии во всю жизнь оного усмотреша. Рука женска тому прикоснутися никогда же, кроме великия немощи и сия престарелых; ниже оного рука, всем опростася, главе женстей прикоснутися когда, да реку и малых детей. Не приближися к нему лице женское в седении или в беседе, кроме своих присных, аще и часто за попечение с ними бяше, но опасность оного присно с ним цветяше и всекрасно соводворяшеся. Свидетели сему — в киновиях соживущии, в путех тому сошествующии».⁹⁹

В словах Семена Денисова в гораздо большей степени, нежели в сочинениях других выговских авторов, нашли отражение личные воспоминания об Андрее Денисове. Даже в словах Трифона Петрова, также глубоко переживавшего смерть Андрея (Трифон Петров был одним из его учеников, в настоятельство Андрея после смерти Петра Прокопьева в 1719 г.

⁹⁴ Там же, л. 189.

⁹⁵ Там же, л. 193—194 об.

⁹⁶ Там же, № 425, л. 56.

⁹⁷ Там же, л. 58 об.—59.

⁹⁸ РГБ, ф. 98, № 682, л. 27—27 об.

⁹⁹ Там же, л. 26—26 об.

исполнял обязанности выговского уставщика), трудно найти свидетельства их личного общения.¹⁰⁰ Но эти слова подтверждают, что родственные отношения не рассматривались на Выгу как нечто противоречащее основам старообрядческого общежития. Над гробом Андрея Денисова Трифон Петров обращается к его ближайшим родственникам: «Что же к вам, присная Андреова брата, и к тебе, едиnorodная сестро, пригласим? Ваши души не требуют от словес бодения, ибо внутрь оружие страсти сродства пройде душа ваша, внутрь копие болезни южичества прободе сердца ваша, внутрь остен, умножающий слезы братоболения, пронзе ятра ваша, внутрь вся силы естественныя ваши со естественныя вам сердечныя силы брато-разлучением вострепеташа, яко огнем воскипеша. О болезней! О скорбей, о жалостей! О плачев и сердечных дрганий!».¹⁰¹ Глубокое горе братьев и сестры Андрея рисует Трифон Петров и в «Плаче церкви над пастырем»: «Ах, южиков твоих огонь пожаления и внутрения моя силы истаявают. Понеже ин (имеется в виду Семен. — Е. Ю.), яко горлица смертно язвена и сердцем люте болящи, надгробная твоему святопочитию жалостне клицает. Другий (т. е. Иван. — Е. Ю.), тяжко рыдая твоего разлучения и болезнию въздыхания внутренних збоден, яко совочищ, крыется, света зрети терпети не может. Сестра и прочии вси, пламенем жалости по тебе разжени, единою твоею памятию подгнещами присно, воплегласиим прочее, яко изумленнии кокушки кукуют, вси же обаче окианом слезы источают, пельнем горести уста помазуют, смертным дыханием перси умягчают».¹⁰²

После смерти Андрея Денисова Семен заменил брата на посту настоятеля. Сестра Соломония «бысть ему в правлениях великая помощница»: «... всегда его видя обремененна в скорбех и печалех обуреваема и печалию снадешся, всегда ему в правлении в своем монастыре помогаше и правяше, и советоваше ему всегда благая о правлении».¹⁰³ В начале февраля 1735 г. Соломония, находясь на коровьем дворе на Выгу, тяжело заболела: «... брат же Симеон вельми плакаше и скорбяше, великою печалию объят».¹⁰⁴ Перед самой смертью (18 февраля) она простилась с братьями Семеном и Иваном. Погребли ее на Лексе. Со слов Ивана Филиппова известно о «великой печали» Семена в связи со смертью сестры.¹⁰⁵ Из надгробных слов, посвященных Соломонии, известно лишь одно, принадлежащее Василию Данилову Шапошникову.¹⁰⁶

На два года пережил Соломонию младший из братьев — Иван. Из Москвы в монастырь он вернулся «хворой» в 1718 г. и сначала жил с братьями в одной келье, но позже перешел жить в пристроенный к келье

¹⁰⁰ Трифон Петров по-разному относился к братьям Денисовым. К старшему брату он, без сомнения, питал любовь и уважение. Отношения с Семеном были более сложными. Видимо, еще при жизни Андрея они обменивались поздравительными словами по случаю тезоименитства (слово Трифона Петрова указано В. Г. Дружининым. См.: Дружинин В. Г. Писания... С. 229, № 8. Два слова Семена Денисова было обнаружено в составе авторского выговского сборника 20—40-х гг. XVIII в.: РГБ, ф. 98, № 682, л. 137—138, 139—140). Возникший после смерти Андрея Денисова между новым настоятелем — Семеном — и уставщиком конфликт на почве некоторых уставных положений вынудил Трифона Петрова переселиться в Боровский скит. Перед смертью Семен Денисов хотел видеть Трифона Петрова своим приемником на посту настоятеля (о чем просил его в письме), но тот отказался.

¹⁰¹ РГБ, ф. 236, № 207, л. 22 об.—23.

¹⁰² Там же, л. 44—44 об.

¹⁰³ Филиппов И. История... С. 260—261.

¹⁰⁴ Там же. С. 261.

¹⁰⁵ Там же. С. 262.

¹⁰⁶ См.: Юхименко Е. М. Неизвестный выговский писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисиевича» // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 46. С. 441—452.

чулан, откуда выходил крайне редко, только ради «великой нужды или какова случая. И со своими для свидания редко исходя и, поговорив мало, и отхождаше».¹⁰⁷ Осенью 1736 г. Семен, «видя его великую нужду», по совету с соборными «поставиша к тем же сениям новую малую келию, чтоб ему особь волнее на келию выходить».¹⁰⁸ Но Иван не переселился сюда ни осенью, ни зимой, а в конце апреля его болезнь обострилась. Чувствуя приближение смерти, Иван Денисов пошел «к своим сродницам свидатися или проститися, тогда бо оные с Лексы приехали на коровой двор», «дабы они к нему не просилися ходити в братской монастырь для братской огласки и целомудрия».¹⁰⁹ На этом недалежном пути силы оставили Ивана, и братия под руки отвели его назад в келью. Болезнь прогрессировала, вскоре начался бред. Семен, «види его в какой великой скорби, вельми изнемогше и тужаше о его скорби вельми».¹¹⁰ Умер Иван Денисов в ночь на 3 мая 1737 г.; его похоронили рядом с отцом, и «брат его Симеон постави на обоих киот един и на киоте крест».¹¹¹ Надгробных слов, посвященных Ивану Денисову, неизвестно.

Помимо детей Дионисия Евстафьева на Выгу жили его родная сестра старица София,¹¹² внучатые племянники Петр, Феврония, Иван и Татьяна Прокопьевы. История этой семьи тесно переплетается с историей рода братьев Денисовых. Новонайденные литературные памятники дают возможность на примере первого выговского уставщика Петра Прокопьева и его близких за строгими монастырскими порядками также увидеть теплоту родственных чувств, подкреплявшихся взаимной заботой и духовной близостью.

Отец Петра Прокопьева, приходившийся родным племянником Дионисию Евстафьеву,¹¹³ был женат дважды. От первого брака с Евфросиньей (в иночестве Екатерина) у него был сын Петр (родился около 1677 г.) и дочь Феврония, от второго брака — Иван, Татьяна и Агриппина. Младшее поколение семей Дионисия и Прокопия росло и воспитывалось вместе (в письме Семену Денисову перед смертью Петр Прокопьев писал о своих сестрах Февронии и Татьяне: «Сии же мои сироты и сродницы вам и сродницы ближнии, и вкупе совозрастохом»)¹¹⁴ Петр «от младенчества священным книгам и древнему благочестию научен баше».¹¹⁵ Его крестным отцом был Андрей Денисов,¹¹⁶ крестной матерью Ивана Прокопьева была Соломония Денисова.¹¹⁷

В «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова сообщается, что Петр Прокопьев «пришед убо в Выгорецкую пустыню еще вельми млад,

¹⁰⁷ Филиппов И. История... С. 300.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 301.

¹¹⁰ Там же. С. 302.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. С. 360.

¹¹³ ГИМ, Востр. 1220, л. 358—358 об. Цитируемое нами «Слово надгробное Петру Прокопьевичу» было опубликовано И. Д. Беляевым (Беляев И. Д. Слово надгробное блаженный памяти боголюбивому Выгопустынного общежителства еклисиарху Петру Прокопьевичу, сочинено того же общества господином Андреем Дионисиевичем // Русская старина. СПб., 1879. Т. 26. Ноябрь. С. 524—537), но в этой публикации допущен очень большой пропуск (около 10 листов размером в 8°), поэтому мы пользуемся одним из ранних списков, входящим в состав авторского выговского сборника 20—40-х гг. XVIII в. (ГИМ, Востр. 1220, л. 352—383 об.).

¹¹⁴ ИРЛИ, собр. Заволоко, № 3, л. 90 об.

¹¹⁵ ГИМ, Востр. 1220, л. 359.

¹¹⁶ ИРЛИ, собр. Заволоко, № 3, л. 87.

¹¹⁷ РГБ, ф. 236, № 207, л. 185.

яко девятнадцати лет (т. е. около 1692 г. — *Е. Ю.*), последи и сестру свою Февронию не за долгое время вывезе с Повенца, младу сушу, на Рязань, на старой завод, еще на сем месте не зачали жити (т. е. до осени 1694 г. — *Е. Ю.*), а после и брата малаго Ивана, такожде и другую сестру последи же Татиану привезе». ¹¹⁸ Когда умер отец Петра Прокопьева, точно неизвестно, возможно еще в конце XVII в. ¹¹⁹ После переселения Петра с братом и двумя сестрами на Выг в миру остались его мачеха и младшая сводная сестра Агриппина. Хотя позднее они, видимо, бывали на Лексе, навещая Татьяну (об этом упоминает в одном из писем Иван Прокопьев), ¹²⁰ но тесного общения между ними не существовало. ¹²¹ Уход в пустынь приводил к разрыву родственных отношений с оставшимися в миру, но тем сильнее были родственные узы, «родственная любовь», связывавшие тех, кто предпочел старообрядческое общежитие «единодомовой» жизни в миру.

Пожалуй, самым ярким памятником, подтверждающим высказанное выше предположение, являются четыре письма Ивана Прокопьева к тетке Соломонии Денисовой и сестрам Февронии и Татьяне. Эти послания, написанные с дороги в Сибирь в начале XVIII в., ¹²² полны горьких сетований на разлуку с близкими людьми: «А ныне я тебе извещаю всемогущим Богом, что уязвихся вашею любовью и зело скорблю, что разлучихся от вашево пребывания и сожития постнаго», — пишет Иван старшей сестре Февронии. ¹²³ И младшей Татьяне: «Болит мое сердце и печалию сдается о разлучении вашего сожития и пребывания». ¹²⁴ Особенно тоскует Иван о

¹¹⁸ Филиппов И. История... С. 158.

¹¹⁹ На основании рассказа Андрея Денисова можно заключить, что в 1719 г. Прокопия уже не было в живых (ГИМ, Востр. 1220, л. 358 об.).

¹²⁰ РГБ, ф. 236, № 207, л. 182 об.

¹²¹ Упоминания о мачехе и единокровной сестре Агриппине не находим даже в завещаниях Петра Прокопьева, вспомнившего перед смертью всех близких ему людей.

¹²² Датировка писем Ивана Прокопьева представляет определенную трудность. Если довериться указанию письма 3 (мы пользуемся нумерацией писем, данной нами при их публикации в Приложении к настоящей статье) на то, что 5 февраля была среда, то, следовательно, 15 февраля должно было быть субботой, а 16 февраля — воскресеньем сырной недели; таким образом, Пасха должна была приходиться на 6 или 5 апреля. С 1694 г. (начало общежития на Выгу) по 1719 г. (год смерти упоминаемого в письмах Петра Прокопьева) Пасха на эти числа не приходилась. Другая хронологическая привязка имеется в письме 4: «Я по се число месяца февраля в 15 день доехал до Устья», и далее: «А доехали мы до Устья на масленицы в среду и тут жили и заговели и во вторник первопостной поехали с Устья на Устюг». Вполне возможно, что текст этого письма дописывался. Очевидно, оно писалось между средой сырной недели и вторником первопостной, тот и другой день мог приходиться на 15 февраля. Таким образом, проводы масленицы должны были быть между 13 и 19 февраля. Из всех возможных вариантов наиболее вероятными нам представляются три: 1702, 1708 и 1713 гг., когда воскресенье сырной недели приходилось на 15 февраля, а соответственно 5 февраля был четверг. Вполне возможно, что Иван Прокопьев мог ошибиться на один день недели, тем более что письмо 3 писалось не сразу: «По се число месяца февраля в 4 день в живых обретаюсь...», и далее: «Писавый... наскоре в 5 день февраля месяца в среду поутру, а на вечер в дорогу поехали...». Другие возможные варианты: 1697, 1699, 1705 и 1710 гг., но 5 февраля приходилось в них на пятницу, воскресенье или понедельник; такая ошибка Ивана Прокопьева маловероятна. Как нам представляется, поездка Ивана в Сибирь связана с предпринимавшимися выговцами в голодные годы (1705—1712) поисками плодородной земли. Кроме Поморья «искаша и в понизовых, и в Сибирских краях, но тамо хотя и есть, точию удалело от сих мест в дальном разстоянии» (Филиппов И. История... С. 138). Эти поиски завершились приобретением в Каргопольском уезде на реке Чаженге плодородной земли, где в 1710 г. выговцы построили кельи и стали распахивать пашню (Там же. С. 138—139). Таким образом, наиболее вероятно, что письма Ивана Прокопьева относятся к 1708 г.

¹²³ РГБ, ф. 236, № 207, л. 188—188 об.

¹²⁴ Там же, л. 182 об.

своей родной сестре Татьяне. Удивительно разнообразны обращения к ней: «превозлюбленной и превозжеленной и единоюлюбвней прекрасней голу-бушке, забытию всем скорбным моим, свету очима моима и гласу сладко-поющему моему», «прелюбезная сестрица», «веселие и утешо души моей». Все дошедшие до нас письма Ивана Прокопьева пронизаны заботой и попечением о Татьяне. Он просит в письме Соломонию Денисову: «Пожалуй, моя государыни матушка, побереги и поучи сестрицу мою Татиану Прокопьевну и всякой ея недостаток на себе понесите... И ты, государыни матушка, утешай ея, чтоб не тужила о мне».¹²⁵ В письмах к Февронии также содержится просьба «Татьянушку сестрицу писать поучить».¹²⁶ Поучая Татьяну жить «во страхе Божии, и в чистоте, и в целомудрии, и в послушании», Иван Прокопьев добавляет: «Да пожалуй... голубушка сестрице Татьяна Прокопьевна, поучись писать, Господа ради молю твою любовь. А ныне я братцу (т. е. Петру Прокопьеву. — Е. Ю.) писал с любовью и со слезами, чтоб тебе поучил писать, и ты подщиь сама поучитися».¹²⁷

Среди многочисленных трудов Петра Прокопьева на благо старообрядческого общежития у него находилось время и для попечения о своих сестрах и брате. Как свидетельствует Иван Филиппов, он сам обучил их грамоте и церковному пению.¹²⁸ Перед смертью Петра Прокопьева не оставляли мысли о Февронии и Татьяне (брата Ивана уже, видимо, не было в живых),¹²⁹ заботой о них проникнуты последние его сочинения.

«Скончание дней» Петра Прокопьева подробно описано Андреем Денисовым в посвященном первому выговскому уставщику надгробном слове.¹³⁰ Петр Прокопьев «зело изнеможе телесными удами» еще в 1715 г. Это было трудное для Выга время, когда сидел в заключении Семен Денисов. Позднее, в 1718 г., был взят на Петровских заводах Даниил Викулов. Петр Прокопьев беспокоился за судьбу общежития, каждый день «всецерковне и келлейне» он возносил молитвы к Богу «о разрешении всецерковных злых и о избавлении нападваемых церковных удов, не оставляя же церковных службы по уставу исполняти, аще не можаше когда стояти, седением отраду немощным удом дея, обаче службу церковную исправляше».¹³¹ Выговский уставщик особо просил в молитвах Бога, «да не возмет души его от тела в таковое печальное расхищение, но да милостивно соберет уды церковныя».¹³² Этому молению суждено было сбыться: в 1718 г. вернулись на Выг Семен и Иван Денисовы, вскоре после ареста был отпущен и Даниил Викулов.

В отсутствие Андрея Денисова Петру Прокопьеву приходилось ведать всеми делами пустыни: «...и в толицей немощи и печалех не оставляше усердия в строениих братственных: свидетель попечения и трудов его столовая братская, ограда окрест преставльшихся отцев и братии, бревна

¹²⁵ Там же, л. 185 об.—186.

¹²⁶ Там же, л. 187 об.

¹²⁷ Там же, л. 181 об.—182.

¹²⁸ Филиппов И. История... С. 157, 158.

¹²⁹ Так заставляет думать отсутствие упоминания об Иване в предсмертных завещаниях Петра Прокопьева. В «Истории Выговской пустыни» Иван Прокопьев упоминается лишь однажды в связи с приходом на Выг (Филиппов И. История... С. 158).

¹³⁰ Это описание составляет основное содержание отрывка, пропущенного в публикации И. Д. Беляева, поэтому мы считаем возможным обратить внимание на этот чрезвычайно интересный фрагмент слова Андрея Денисова (в «Историю Выговской пустыни» данные сведения не вошли).

¹³¹ ГИМ, Востр. 1220, л. 371 об.

¹³² Там же, л. 373.

на новый молитвенный храм, самого его с братиею подвизание и немощным телом сих древес сечение».¹³³

Петр Прокопьев задолго почувствовал приближение смерти. За полтора-два года, готовясь «в вечный он и страшный путь пойти», он выкопал себе могилу и сделал гроб.¹³⁴ В страстную седмицу 1719 г. Петр Прокопьев «у отца духовного покаянием поновился»,¹³⁵ в Великую субботу причастился «великаго великих даров дара, от отец древних у него восприятого и с великим говением соблюдаемого».¹³⁶ Несмотря на болезнь, как уставщик он вел пасхальную службу, во время которой ему было знамение близкой кончины. Всю Светлую седмицу «на одре препроводи, молитву творя и с братиею и сродники прощаяся и прощая всех».¹³⁷ За два дня до смерти ему был глас, известивший «по дву днеш отсюду отшествие».¹³⁸ Андрей Денисов в надгробном слове подробно описывает «тихое и кроткое преставление» Петра Прокопьева, случившееся 25 апреля 1719 г.

Перед кончиной Петр Прокопьев успел написать несколько духовных завещаний. Все они дошли до нас в автографах. Помимо распоряжений о своем келейном имуществе¹³⁹ Петр Прокопьев «написа при смерти своей письмо ко всем отцем и братьям и в другой монастырь матерем и сестрам».¹⁴⁰ Свидетельством исключительной заботы Петра Прокопьева о своих сестрах Февронии и Татьяне стали обращенное к ним духовное завещание¹⁴¹ и послание к Семену Денисову.¹⁴² Публикуемое в приложении к статье завещание писалось Петром Прокопьевым незадолго перед смертью (почерк автографа нетвердый); автор обращался к тексту не один раз, об этом свидетельствует резкое изменение почерка (л. 152 об., 154 об.) и цвета чернил. Петр Прокопьев наставляет сестер «всячески хранити» «чистоту же телесную и сердечную и умную».¹⁴³ В этом документе сухие статьи выговских уставов преломляются в пронизанное братской любовью и заботой наставление. «И се ныне разлучаюся от вас, моих присных и любезных. О горкаго сего и болезненнаго часа! О болезненнаго сего моего от вас

¹³³ Там же, л. 372 об

¹³⁴ Там же, л. 374 об Об этом упоминает и Иван Филиппов См Филиппов И История С 159

¹³⁵ ГИМ, Востр 1220, л. 374 об На Выгу духовным отцом Петра Прокопьева сначала был инок Корнилий, умерший 21 марта 1695 г (Там же, л. 364 об), затем инок Варлаам (см ИРЛИ, собр Заволоко, № 3, л. 86)

¹³⁶ ГИМ, Востр 1220, л. 374 об—375

¹³⁷ Там же, л. 376—376 об

¹³⁸ Там же, л. 376 об

¹³⁹ ИРЛИ, собр Заволоко, № 3, л. 87—88 об (Дружинин В Г Писания С 238, № 7)

¹⁴⁰ Филиппов И История С 156 Послание к выговским отцам и братьям также сохранилось в составе сборника И Н Заволоко ИРЛИ, собр Заволоко, № 3, л. 82—86 об (Дружинин В Г Писания С 238, № 6), послание к инокиням Лексинской обители, не вошедшее в указатель В Г Дружинина, было обнаружено в составе авторского выговского сборника первой половины XVIII в из собр А Н Попова (РГБ, ф. 236, № 207, л. 172—173 об.)

¹⁴¹ Это сочинение было указано В Г Дружининым по единственному дефектному списку XIX в (см Дружинин В Г Писания С 237, № 1), содержащему лишь самое начало произведения Автограф завещания сохранился в сборнике из собр А Н Попова (РГБ, ф. 236, № 207, л. 151—160) Обращает на себя внимание то, что предсмертное послание Петра Прокопьева на Лексу, его завещание сестрам и письма к ним Ивана Прокопьева вошли в один и тот же сборник Видимо, эти документы хранились все вместе у сестер Петра и Ивана Прокопьевых

¹⁴² ИРЛИ, собр Заволоко, № 3, л. 89—90 об (Дружинин В Г Писания С 238, № 5)

¹⁴³ РГБ, ф. 236, № 207, л. 151 об

разлучения!» — восклицает Петр Прокопьев.¹⁴⁴ Две скорби одолевали составителя завещания: «како возмогу прейти лютая воздушная мытарства», «вторая же: да како вас оставлю zde плавати в широцей сей житейстей пучине, в треволнениях сих, не окиянских, но адских, преглубоких сих и зложотных, многопрелестных и многообразных».¹⁴⁵ Петр Прокопьев поручает сестер заботам Андрея, Семена и Соломонии Денисовых, «яко ближним вашим ужиком, и добродеем, и премудрым, и разумным, и боголюбцем», а также «брату», «другу» и «недалному сроднику» Трифону Петрову.¹⁴⁶ Петр Прокопьев предчувствует, как глубока будет скорбь сестер после его кончины: «...о коль великия и неутешныя пролиете слезы, мое разлучение не терпяще и сиротство свое беззаступное помышляюще. Сего ради вас сим моим последним писанием наказую, сие мое малое начертание во утешение вам оставляю, да не горше плачете и не чрезмерне рыдаете, да не печалию zelно уязвите свое сердце».¹⁴⁷

С заботой о сестрах связано и предсмертное послание Петра Прокопьева Семену Денисову. К «ближнему во ужицех», «ближнему сердоболу» обращает Петр свою последнюю просьбу: «Да сирот моих сестр не покинеши их безнадежных, да не оставиши их безпомощных, да не отринеши их от своего промышления, да попечешися о всяких их нуждах, наипаче же о спасении их душевном и чистоте их телесной. Снабдитель и хранитель им по Бозе буди. В скорбех их да поможеши им. В печалех их да утешиши их. И в сей великой напасти их и туги нестерпимой, еже о моем разлучении хотят пострадати, неисцелную их сердечную язву да исцелиши своими сладостными и благонадежными глаголы».¹⁴⁸ Еще Петр Прокопьев просит Семена увещать Андрея и Соломонию, «да милостиви к ним будут и да не оставят их скитатися и сиротами, но да под покровом благосердия вашего храними да будут».¹⁴⁹ В этой связи Петр Прокопьев замечает: «И доколе мне еще и живу сушу, велика ваша милость к ним бысть. Ныне же паче молю вас благоутробным вам к ним быти и любовь показати».¹⁵⁰

Большую часть своих келейных книг и икон Петр Прокопьев завещал сестре Февронии: Устав малый, «по коему службу церковную исправляю», Ирмосы, Октай с обиходом, Праздники, Цветник аввы Дорофея, сборник, в котором «писаны Ниловы главы и из Зерцала, и Зосимина о ярости, и иное», Евангелие, «книжица малая служба и слова апостола Петра», Синодик малый, створы тройные, складень с изображением апостола Петра, «крест медной с затворцами».¹⁵¹ Для Татьяны предназначались три книги: Псалтырь малая с обиходом, «что сестра (видимо, Феврония. — Е. Ю.) писала и иныя писцы», Святцы малые «московский переплет», сборник о страшном суде с житием Василия Нового.¹⁵² «Аще ли Татяяна умрет, — замечает Петр Прокопьев, — то сестры моей Февронии».¹⁵³ Андрею Денисову Петр Прокопьев отказал книгу Исаака Сирина в четверть («что сестра мне писала»); Семену Денисову — створы большие тройные («аще ли не будет его в жизни сей, и то Андрею Денисьевичю и Соломонии Денисьевной»); Соломонии —

¹⁴⁴ Там же, л. 154 об.

¹⁴⁵ Там же, л. 155.

¹⁴⁶ Там же, л. 155 об.

¹⁴⁷ Там же, л. 156.

¹⁴⁸ ИРЛИ, собр. Заволоко, № 3, л. 89 об.—90.

¹⁴⁹ Там же, л. 90 об.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же, л. 87—88 об.

¹⁵² Там же, л. 87 об.

¹⁵³ Там же.

сборник в четверть с Повестью о Варлааме и Иоасафе; Трифону Петрову — крест, «что написано на нем распятие со святынею», и створы с двенадцатыми праздниками.¹⁵⁴ Из содержания этого завещания очевидно, что Петр Прокопьев не забыл ни одного из своих родственников, проживавших на Выгу, но именно старшая сестра Феврония, хорошо знавшая грамоту и церковное пение (для нее предназначены Устав и три певческие книги), занимавшаяся перепиской книг, была самым близким Петру человеком: ей завещаны сборник со службой и посланиями апостола Петра (возможно, составленный самим Петром Прокопьевым) и медная икона с изображением небесного покровителя выговского уставщика.¹⁵⁵

Выговская рукописная книжность сохранила два надгробных слова, посвященных Петру Прокопьеву, причем оба написаны его близкими родственниками. Одно из них — знаменитое слово Андрея Денисова 1719 г. Выговское предание зафиксировало историю написания этого слова.¹⁵⁶ По преставлении Петра Андрей Денисов, «понуждает любви», захотел написать «в память его святого жития» надгробное слово, но «только побежден бысть от безмерной по нем жалости, никак не можаше держащую в дражайших своих руках трость произвести в надлежащее руководство, и так многая ю взимаше, да и лаки впрядне опускаше». На девятый день после смерти выговского уставщика вздремнувшему Андрею явился в видении Петр Прокопьев и сообщил, что его причислили к новым мученикам.¹⁵⁷ Это видение вдохновило Андрея Денисова, и им было написано сочинение, явившееся первым в ряду многочисленных слов, посвященных выговским наставникам. В данном слове автор дал краткий очерк ранней выговской истории и на этом фоне показал заслуги первого уставщика пустыни, видимо, поэтому Андрей Денисов довольно сдержан в выражении охватившего его горя; лишь описание благостной кончины Петра Прокопьева заканчивается восклицанием: «Оле, нашего плача тогда! Оле, какво внезапно пострадахом разлучение! Каковыми жалостными стрелами уязвихомся тогда, каковыми печальными язвами уранихомся!».¹⁵⁸

Через десять лет после смерти Петра Прокопьева («се десятое лето Петра поминаем»), 16 января 1729 г., Трифоном Петровым было написано еще одно слово, посвященное Петру.¹⁵⁹ Оно свидетельствует о том, что и через много лет после смерти первого выговского уставщика очень многое на Выгу заставляло вновь и вновь сожалеть о понесенной утрате: «И яко же терн в пазусс, идеже обратится имущий, убодает, тако и мы вселюбезнаго Петра память имущии, идеже аще обратимся и возрим на того наследие, пожалением убодаемся; церковслужения же онаго чреды и дело службы совершаем — жалостию его убодаемся; священныя ли книги, онаго священными рукама назнаменованныя, прочитаем и предуготвяем — поболением его убодаемся; чины и обряды ли тако церковныя, яко и общежительныя, онаго благословенными персты и тростию начертанныя, созерцаем и ска-

¹⁵⁴ Там же, л. 87—88.

¹⁵⁵ Тезоименитство Петра Прокопьева отмечалось 16 января (см.: РГБ, ф. 17, № 651, л. 1), в день Поклонения честным веригам апостола Петра.

¹⁵⁶ В одном из списков слова на полях сделана приписка: «Сие сам он, отец А[ндрей] Д[ионисиеви]ч, в тожде время поведал неким из братии благоизбранным мужем, от коих сие в предьбудущую им память и написася» (РГБ, ф. 17, № 60, л. 24 об.).

¹⁵⁷ Там же, л. 25.

¹⁵⁸ ГИМ, Востр. 1220, л. 378.

¹⁵⁹ РГБ, ф. 98, № 682, л. 61—66 об. В. Г. Дружининым было указано как анонимное (Дружинин В. Г. Писания... С. 431, № 701). Авторство Трифона Петрова засвидетельствовано выговскими книжниками, включившими список этого слова в авторский сборник 30—40-х гг. XVIII в. (РГБ, ф. 98, № 682, л. 61).

зуюм — тугою яже по нем убодаемся; места ли и степени, онаго благотекущую ногу проходя, наступаем — слезяще о нем убодаемся; сень ли онаго, юже той прежде двою лету над могилою, в ней же положитися назнамена, присещаем — горчайшим хлипанием, поминающе его, убодаемся». ¹⁶⁰ Трифон Петров упоминает о духовном завещании Петра Прокопьева выговским отцам и братии — «хартийце», «яже нам по смерти того вручися, яже той жив сый своеручно начерта», «которую хартийцу выну пред себе приемлюще, поминая писавшаго, слезами обрысует; которую хартийцу, розгибая и соггибая, поминая сочинившаго, хлипанием содрогающесе, оплакуем; которую хартийцу, прочитая и окончеваая, поминая таковая предсказавшаго, яко копием прободаемся». ¹⁶¹ Завершая свое «горкоплачевное поминание», Трифон Петров обращается ко всей киновии, и «к киновиархам и чредо-держцам», к родственникам Петра Прокопьева, к его сестре Февронии: «Восплачитесе, восплачитесе и вы, о сродницы, и ты, поминаемаго сестро единоутробная, кокушице воплегласная, восплачися». ¹⁶²

На примере семьи братьев Денисовых и Петра Прокопьева становится очевидным, насколько тесно вплетались родственные отношения в жизнь Выга. Это был не «казарменный коммунизм», который видели в Выговской пустыни некоторые исследователи, ¹⁶³ не сухая схема выговских уставов, а многообразие отношений реальных людей. Старообрядческое общежительство стало той благодатной почвой, которая способствовала тому, что идеальные родственные отношения, лишённые «мирской суеты» и подкреплённые родством духовным и служением старой вере, нашли отражение в литературных памятниках. Это даёт возможность за громкими именами, вошедшими в историю Выговской пустыни, увидеть живых людей и за характерным для выговской литературной школы «плетением словес» разглядеть подлинные чувства, двигавшие автором.

Далее по правилам, принятым в ТОДРЛ, публикуются письма Ивана Прокопьева и завещание Петра Прокопьева. Пропущенные буквы и слоги восстанавливаются в квадратных скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

І. ПИСЬМА ИВАНА ПРОКОПЬЕВА

1. Соломонии Денисовой

л. 185 Иже от святаго крещения и от бани порождения воспрѣимницы и по плотскому родству близокровней государыне матушке Соломонии Денисовне недостойный раб и сын родительскаго твоео благословения Иван Прокопьев, пад пре[д] честныя стопы ног твоих, всеусердне прошу благословения и прощения твоео родительскаго в перьвой моей досаде, в неспокорстве, и в непослушании, ^а и в злоречии, егда бех младе//нец, прости, моя государыни матушка. Да о сем тебе, родительскому благоутробию, молюся, яко присное твое чадо, точию не позазри моему невежеству и несмысленному разуму и грубости, что дерзнух писати. Пожалуй, моя государыни матушка, побе-реги и поучи сестрицу мою Татяну Прокопьевну и всякой ея недостаток

^а Испр., в ркп. непослушании.

¹⁶⁰ Там же, л. 63—63 об.

¹⁶¹ Там же, л. 63 об.—64.

¹⁶² Там же, л. 65.

¹⁶³ См.: Арзамасцев А. М. Казарменный коммунизм. М., 1974.

на себе понесите Господа деля, молюся твоей щедрости. Утешайте малодушных, и Павел апостол писа, и ты, государыни матушка, // утешай ея, л. 186
 чтоб не тужила о мне, но паче радовалась и молила б Господа Бога о мне. А буде Господь даст время на уроки покаяния, всячески любви вашей не забуду, но помолитесь Господеви о мне, грешнем.

И государыни матушке Анфисе поклонись, и прошу ея благословения и прощения, и всем матерем и сестрам поклоняюсь и молитв требую.

За сем даю о Христе целование государыне матушке⁶ и униженне низоземне до лица земли кланяюсь.

Писавый из Каргополя месяца февраля в 4 день.

2. Февронии Прокопьевне

Превозлюбленной и превозжеленней государыне голубушке, веселию и л. 187
 утехи души моей и свету очима моима, прелюбезней сестрице Февронии Прокопьевне от последних последний раб и досадник брат милости твоей Иван Прокопьев, рабски униженне пад к честным стопам ног твоих, умилнье со слезами и прелюбезне прощения прошу в моей досаде; а егда бех мал, всякою досадою досадах, бранию, злохулением и злоречием, а егда в возраст // приидох, тогда непокорством, злонравием своим. И о сем паки л. 187 об
 слезно рыдаю и умилен взор имею, помышляю любовь твою родительскую и слезное рыдание и всякое приветство ко мне, убогому. Да о сем дерзних любви твоей писати. Пожалуй, моя прелюбезнейшая голубушка сестрица государыни Февронья Проко[пье]вна, Татьянашку сестрицу писать поучить Господа ради прошу и молю, дабы твоим ходатайством // к братцу забвению л. 188
 не быти, и всякие ея недостатки на себя изнесити и всяк скорбен глагол или речь мене ради претерпи. Яко же ко мне любовь показала еси, тако же покажи, моя государыни, и до единоутробных моя сестрицы и своя, и Господа ради поживите в любви и в единомыслии. И о сем молю Господа ради: не плачтитеся мене ради, но паче возслите свою теплую молитву ко Господу и Пречистой его Матере. А ныне я тебе извещаюсь всемогущим Богом, что узавихся вашею любовию и зело // скорблю, что разлучихся л. 188 об
 от вашево пребывания и сожития постнаго.

За сем даю о Христе целование прелюбезнейшей сестрице Февронье Прокопьевне, униженне мно[го]кратне низоземно кланяюсь.

Писавый из Каргополя месяца февраля в 4 день.

3. Татьяне Прокопьевне

Иже из единых утробы произшедшей и единосполением матери нашей л. 181
 труждышейся, единоутробней и еди[но]кровней, превозлюбленной и превозжеленней и единойлюбовней прекрасней голубушке, забытию всем скорбным моим, свету отчима моима и гласу сладкопоющему моему, прелюбезней государыне сестрице Татьяне Прокопьевне раб и досадник милости твоей и брат Иван Прокопьев, рабски, униженне, всеусердне, прежелательне пад пре[д] честныя стопы // устремившия сих к путешествию гореноснаго пути л. 181 об
 ног твоих, любезне и жалостне слезами моча персть, прощения прошу о преждебывших мною досад и злб. Да пожалуй, моя государыни прелюбезная сестрица, послушай моево убоговѣ моления, стократне униженне рабски

⁶ В окончании слова первоначально было написано и, затем исправлено на е.

кланяющагося, пожалуй, поживи во страсе Божи, и в чистоте, и в целомудрии, и в послушании государыне матушке и сестрице любовно глаголение и любезне сожитие. Да пожалуй, моя прелюбезная единоутробная // голу-
 л. 182 бушка сестрице Татьяна Прокопьевна, поучись писать, Господа ради молю твою любовь. А ныне я братцу писал с любовию и со слезами, чтоб тебе поучил писать, и ты подшись сама поучитися.

А про мене изволиш напамятовать досадника милости своей во святых своих молитвах и трудах еже к Богу. По се число месяца февраля в 4 день в живых обретаюсь, здрав телом, а душею — Бог весть. И паки молю твою
 182 об. любовь, охавився о честней твоей выи, лю//безне слезами обливаюсь, поминая любовь твою. Ей-ей, моя государыни любезная сестрице, болит мое сердце и печалию снедается о разлучении вашего сожития и пребывания. Да пожалуй, государыни сестрице, егда Бог принесет матушку к тебе, и ты пожалуй, поклонись от мене и проси от моего лица прощения и благословения родительского и сестрице Агрипине Прокопьевне вели поклонитце. А егда Бог велит мне быти в Сибири, то вьскоре возвращуся к вам во обитель: зело жадает душа моя с вами быти и конец благ в добре
 л. 183 испове//даний получитьи и со отцы положену быти. И паки молю любовь твою, любезная сестрице, помолися Господеви, дабы не отлучену быти молитвеннаго вашего сопребывания, и дабы слышати гласа твоего сладкаго, и видети лице твое светлое, и сподобитися осязати прелюбезную твою выю, и мышца и плесне твои обლობыжу любезне, но еще припадаю и любезне обლობыжу твои нозе. Любезная голубушка сестрице, веселие и утехо души моей, пожалуй, прости в моем невежестве и грубословии, что дерьзнух грубо писати. Писал бы^в много — и от слез не могу писати, а стало время //
 183 об. кратко зело. Не позазри, государыни сестрице, что вькратце случися писати.

За сем мало пишу и телесне и духовне целование даю, сестрице любезней достоодолжное преуниженне до земли воспосылаю, многократне всеусердне прежеланне челом бью. Государыне моей тетушке Марине Исаковне ниское поклонение и Мелании Сидоровне поклонение и всем любящим нас по нискому поклону и молитв требую их. //

Писавый Иван Прокопьев, недостойный брат твой, наскоре в 5 день февраля месяца в среду поутру, а на вечер в дорогу поехали, и молитв твоих требую, прелюбезная голубушка сестрице Татьяна Прокопьевна, челом бью.

4. Соломонии Денисовой, Февронии и Татьяне Прокопьевнам

Пречестнейшей госпожи и прелюбезнейшей государыне матушке Соло-
 л. 179 монии Денисовне преубогий раб и сын твой недостойный Иван Прокопьев, рабски пад пред тобою, прося прощения и благословения твоего желаю и молитв ти требую. И государыням пречестнейшим и прелюбезнейшим и единоутробней и единокровней и еди[но]ютечным господам молебницам теплым о мне Господеви, прекрасным сестрицам Февронье и Татьяне
 179 об. Прокопьевнам последний раб // и недостойный брат милости вашей Иван Прокопьев,^г пад к честным стопам ног ваших, благодарствую любовь вашу родительскую,^д и слезами выю вашу любезне обლობызаю, и к плещем вашим честным припадаю, и молю сестрелюбную и родительскую любовь вашу, еже молити Господа Бога, дабы сподобитися честнаго видения вашего и насладитися сладкия беседы и гласа вашего, сладосне поющаго, и пре-

^в Дописано над строкой. ^г Испр. автором; первоначально было Прокопьевич. ^д Испр., в ркп. родительскую.

бывания вселюбезне вашего желяю. Да пожалуйста, мои голубушки прелюбезныя // мою сестрицы, поживите в совете и в любви Господа ради, дабы слышати доброе ваше житие и любовь меж вами, радоватися. Хотя аз, окаянный, слабо и страстно житие живу, хощу тщательнаго вашего трудоподвижнаго слышания сподобитися и радования насладитися сестрелюбовнаго.^с Да про мене изволите во святых своих молитвах воспомянуть.

И я по се число месяца февраля в 15 день доехал до Устья, жив телом, а душою немощен есмь, и паки от жалости припадаю любезне к ногам вашим, мно[го]кратне, преуниженне, рабски, вселюбезне челом бью. //

А доехали мы до Устья на масляницы в среду и тут жили и заговели и во вторник первопостной поехали с Устья на Устюг.

И честней матери Анфисы поклоняюсь и благословения ея требую, и тетушке Марине и Мелании с любовью поклоняюсь и целование о Господе духовне и телесне с писмом сим отдаю.

(РГБ, ф. 236, № 207, л. 179—188 об.)

II. ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ПРОКОПЬЕВА СВОИМ СЕСТРАМ ФЕВРОНИИ И ТАТЬЯНЕ ПРОКОПЬЕВНАМ

За молитв Пречистыя Матере твоея, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилу[й] нас.

Возлюбленным моим сиротам сестрам единоутробней и единокровней Февронии Прокопьевне и единоотечной, аще и не единоутробней Татияны Прокопьевне. Брат ваш по плоти аз, худый и непотребный и грешный и окаянный Петр, известно творю.

Се убо праведными судьбами Господа Бога моего зело скорблю и изнемогаю и болезную, и сила моя плотская и крепость во мне до конца оскуде, и ничто же ино ожидаю, точию в путь отец моих пойти и смертную чашу испити, горкую и болезненую. Вас же оставляю в помощь и сохранение Господу Богу Вседержителю и пречистой и преблагословенней Владычицы нашей Богородицы и Приснодевеи Марии, матери Божии, помощницы нашей и заступницы во всяких напастех. И стрывом нашим по плоти с сестрою их возлюбленною, нашу же теткою: дяди моему и отцу // Андрею Денисьевичу и Симеону Денисьевичу и Соломонии Денисьевне; к ним же всякое повиновение и благоразумие и послушание всегда имейте и во всем, дондеже даст вам Господь Бог жити на сем свете, и отнюдь никако же отлучайтесь от них, но всем сердцем и душою и любовью прилежите к ним.

Чистоту же телесную и сердечную и умную всячески потщитесь хранити, яко да будете непорочни безсмертному жениху пречистому и нескверному на нетленные и небесныя чертоги будущаго века: во всем себе соблюдающе и везде себе храняще, и от словес злострастных и содружия небогоугоднаго, и помышления, всеваемая от сопротивника душ наших, отнюдь не приемлите, но молитвою и постом и исповеданием отравяйте их, и в себе находящий каков помысл никако же скрывайте, но объявляйте советы сердечныя и внутренния мысли. Любите же пост, хранитель чистоте и девству освящение, и не бойтесь немощи плоти. Аще плоть не может и скорбит от подвига, тогда душа здрав//ствует. Лучши плоти болети, а не души. Доколе не изнеможет плоть, страстей избыти не мощно. И вы того ради не жалеите плоти своея и не щадите ея, но умерщвляйте ю трудами, и постом, и поклонами, и худоядением, и стоянием в молитвах, да не

^с Испр., в ркп. сестеелюбовнаго.

одолеет вас, да не поринет в пропасти греховныя. Елико плоть болши изнеможет от трудов, от поста, от поклонов и от прочаго подвига, толико болши просветится и прославится в будущей жизни безконечней.

Держите же ся смирения истиннаго, умнаго и сердечнаго, всех хуждыши себе помышляюще, и никто вас не оскорбит. Егда сами себе начнете оскорбляти и хуже себе всех вменяти, тогда вси вас почитати будут и от Бога не будете уничижены. А доколе таковаго смирения не начнете имети, всегда будете в печали и оскорблении от инех, Богу попушающу, да смирение стяжем. И вы того ради, предваривше, сами себе смиряйте во уме своем, и пред всеми смирение во всем стяжите, и в словесех никого

152 об.

оскорбляйте, ни досаждайте, ни уни//чижайте ни в чем никого: не ваше дело есть, кого и исправляти, и наказовати, вы точию сами ся смотрите и исправляйте, и от инех терпите всякую досаду в слове и деле, а сами отнюдь не досаждайте никому ничим. Бойтесь сего, да и вам досаждати не будут.

Язык же свой свяжите молчанием и юзами страха Божия, и смертнаго часа, и страшнаго суда и наложите на нь бродзы воздержания: обычен бо женский род многоглаголив и оплазив быти, и многая языком дерзати, и грехи себе собирати. Но вы себе ^а не забывайте, помните, яко ^б за всякое слово праздное ответ Богу дати будет, колми паче за осуждение, и сме-хословие, и прекословие, и уничижение, и прочая злая, яже от языка раждаемая. Многожды же не за смирение и высокоумие и невоздержание языка попушаются и плотския брани на нас, да познаем себе и да смиримся.

Зависти же, томителницы и мучителницы, блюдитесь, от тщеславия, прозябаемая в нас, смирением сию побеждати научитесь. От мужескаго пола, паче же от чюждих всячески удаляйтеся и зрения их, и собеседования,

л. 153

яко от пламени; и без великой нужды отнюдь с чюжими да не обряще//тєся в беседе каковой. Аще и некая нужда будет, и то не наедине, но со иными ту сущими, покрывая свое лице опасно, да не видно будет. А наедине отнюдь да не обрящетеся с ким, аще и разумни мнятеся быти, аще ли и учителя нецыи: велико опасение о сем стяжите во вся дни жития вашего, да не корабль вашего целомудрия проутлится и погружен будет в страстной жития сего пучине.

Блюдитесь, мои возлюбленнии, блюдитесь, и церковь телеси своего неосквернену храните, и ума своего царя в пленение злыми мыслями порабощена быти не оставляйте. И другинь бесполезных и плотское мудрование имущих удаляйтеся, и словес душевредных, и осязаний страстных с ними блюдитесь: многокознен бо есть враг наш и многоковарен, егда кого собою уловити не возможет, тогда своими сосуды прельщает, и всячески оскверняет, и в прогневание святаго Бога нас приводит, и хранителя нашего отгоняет от нас. Зело бо на иже чистоту опасно хранящих востает и завидит и тщится осквернити; многожды горести, и огорчения, и острожелчия, и уныния, и печали наносит, паче же сия наводит, ими же может хранителя чистоте и целомудрия отгнати и нас в ров скверны греховныя вринуту, еже есть гордыня, и тщеславие, и сластолюбие, и ризное украшение, к сему же и осуждение и злоречие инех; в них же бо иных осуждаем, сами

153 об.

в тая же впадем. Того ради, о лютый и острый меч! — // язык наш свяжем юзами молчания, и смиренномудрия тишину возлюбите, да безбедно можете преплыти жития сего море.

Правила своего никогда оставляйте без великия немощи и нужди. И нужди нашедши, прежде или после исправить тщитесь, и во время здравия

^а Дописано над строкой. ^б Дописано над строкой.

и свободы исправляйте недостаточная. И со страхом Божиим предстоите испытующему сердца и утробы и теплыя слезы от сокрушенна сердца, принесите сядящему на херувимех и призирающему в бездну.

Книгам святым зело прилежание имейте, оттуду можете приплодити всяку ползу, и просвещение души, и исправление житию, и оттуду научитесь о скорогибнущей сей жизни, и о будущей вечней и нетленной, и о светлости и радости и красоты блаженнаго оного века. Того ради зде плачите и рыдайте; того ради вся действуйте и творите; того ради скорбите зде волею; того ради девство и чистоту со смиренномудрием храните; того ради зде плоть свою умучайте и умерщвляйте; того ради поститесь и воздержитесь и худость ризную любите; того ради язык свой и со прочими чювствы, яко броздами и уздою, страхом Господним // свяжите; о той глаголите и л. 154 мудрствуйте.

Здешняя бо настоящая жизнь, горкая и плачевная, преходит и минует. Будущая же присно блаженная и всерадостная^в надставет и надходит, красная и веселая, мирная и тихая и неотъемлемая. О преблаженнаго оного века, пресветлаго и преблагаго! О преокаяннаго сего мира,^г претемнаго и презлаго, мятежнаго и враждебнаго! И сей прелестник наш, вмале оболстив нас своими сладми и обязав нас своими сетьми, тщых нас и бесплодных всякаго блага во он век препосылает, в неругаемых нам наругався, увы, плачу вечному и пламени геенскому предает. О великия сея прелести прелестника сего нам, неразумным! И кто может исторгнутися ногтей его острых, како в сердца наша вонзи глубоко и привяза ум наш к люблению смрада своего, вещей тленных и страстных.

Но ты, милостиве Спасе, милостив ради всенепорочныя Матере своея, исторгни нас^д от мреж его крепких, нас, глупых и малодушных, ленивых и нерадивых. И научи нас тебе единого любити и волю твою творити. И всади страх твой в сердца наша. И сподоби нас благаго твоего // царства, л. 154 об. мирнаго и немятежнаго и нескончаемаго, и радости оной твоих присных угодников и рабов.

Сия, мои возлюбленнии и возжеленнии, возревнуем и возлюбим и по нашей немощи потщимся подвигнутися и потрудитися вмале, в тленной сей плоти, не пожалеем ея любви ради Христовы, понудим ю воздержатися от всех сладких мира сего, от всех пристрастных похотей света сего. Зрите ли, мои болезненнии и сердечнии, како преходит житие наше, како скончавается век сей, како дние наши, яко соние, мимо ходят, яко день к вечеру. Како умроша отцы наши и деды^е и прадеды^ж и вси прежде нас жившии на свете сем, умрети же и нам будет помале и к тамошнему пойти веку, аще и не хоцем. Како и мои скончашася дние и к смертным вратом приидох и к неведомому пути постигох.

И се ныне разлучаюся от вас, моих присных и любезных. О горкаго сего и болезненнаго часа! О болезненнаго сего моего от вас разлучения! Не век сей любя или долгожитие и благопробывание его, сия, скорбя, глаголю: не буди что бо в нем есть зде благо и мирно, надежно и крепко, но вся маловременна, и скоропреложна, и непостоянна, и тщетна. Но двоими печальми и скорбми стесняем и болезную люте, яко же в велицем буревании и близ потопления. Едина сия есть, // да како возмогу прейти л. 155 лютая воздушная мытарства, увы, тонкая и жестокая сих истязания, и како возмогу исторгнутися от ногтей их острых и крепких, и како узрю страшнаго судию, благаго моего Бога же и Владыку, его же прогневах, и

^в Все дописано над строкой. ^г Заменено на полях, первоначально было света. ^д Дописано над строкой. ^{е-ж} Дописано над строкой.

како осуждения могу избежати и получить хотя мало место покоя. Вторая же: да како вас оставлю zde плавати в широцей сей житейстей пучине, в трволнениих сих, не окиянских, но адских, преглубоких сих и зллютных, многопрелестных и многообразных.

Увы мне, горе мне, луте мне, како восплачу, како возрыдаю, кого помощника призову! Кому вас оставлю, кому прикажу, кто вам поможет, кто вас накажет, кто утешит вас в скорбех и напастех, кто спасению вашему споспешит, кто хранитель девству и чистоте вашей будет? Аще бо Владыка наш Христос Бог, отходя сего жития, свою Пречистую Матерь в сохранение и попечение ученику своему, яко деву девственику, предаде, аще и сам невидимо своею благодатию сохраняше, яко всемогий Бог и всеодержай, требоваше же и человека храняща и пекущаяся и всяким челоуечским немощем и нуждам служаща, что убо аз реку, унылый и бездерзновенный, и что могу вам сотворити? Кого вам хранителя оставлю, кого присмотрителя и вашим печалем сообщника? Точию самого того Христа Бога нашего и того рождшую Госпожу нашу и Владычицу, хранителницу и помощницу во всяких напастех и скорбех. К той // прибегайте всегда, у той помощи просите и заступления во всяких печалех: может бо помиловати вас и заступити и сохранить от всяких врагов, и внутренних, и внешних, яко мати Божия сущи всемошная и всеодержаящая.

В сохранение же вас и в присмотрение вручаю господам моим стрывом Дионисьевичам с их сестрою нашею же теткою, доколе им даст Господь Бог в жизни сей пребывания, яко ближним вашим ужином, и добродеем, и премудрым, и разумным, и боголюбцем. Тех держитесь, тем повинуйтесь, тех послушайте во всем: сии бо могут с помощию Божию о спасении вашем попещися и сохранители опаснии целомудрию вашему быти; их же ни в чем преслушати потщитесь. Поможет же вам при нужди и печали и брат мой и друг и сродник Трифон Петрович, и его наказания и совета никако же преслушайте: известен бо и надежен и боголюбив и яко сродник недалный. Во всем же упование имейте на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, помощницу и заступницу, иже полезная вам устроит.

Хочет бо и ваше сердце по моем от zde отшествовии тое³ оружие печали пройти, и копие скорби уязвити вашу душу,^н и желчь горести вкусити будете, и чашю пельнную, ваша внутренняя огорчающую, испити имате, и во унынии мнозе дни своя проваждати вам будет, и дондеже гроб вас примет. Многия же слезы и горкия пролиете, и аще добре свое житие управите в покаянии и слезах и по водворении вечерняго сего плача, узрите в будущем утешение и радость. Егда даст нам благий наш Создатель и Владыка по мнозей своей милости и за молитв Пресвятыя Матере своея, паки // неразлучно совокупитися во веки бесконечныя во блаженной оной жизни.

Но прежде сего, о коль великия и неутешныя пролиете слезы, мое разлучение не терпяще и сиротство свое беззаступное помышляюще. Сего ради вас сим моим последним писанием наказую, сие мое малое начертание во утешение вам оставляю, да не горше плачете и не чрезмерне рыдаете, да не печалию zelною уязвите свое сердце: весть бо и чрезмерная печаль поглощати челоуеки и во изумление привести, многожды же и смерти предати. Но вся подобает возлагати пучине судеб Божиих и глубине премудрости Божии, иже вся на ползу комуждо устрояющему. Се и о нас веруем быти. Вы же не скорбите и не тужите безмерне, мои прелюбезнии,

³ Дописано над строкой. ^н Исправлено, первоначально было душу.

и не опечальтесь излишне, мои пресладостнии, о моем от сея жизни разлучении. Се бо повелением Создателя моего и Бога и Владыки прехожду во ин век незнаем, во ину страну далнюю, в ню же отшед к тому, к вам не возвращуся. И сея жизни отхожду и кои же от века усопшим прехожду. Ищу ныне помощи, ищу ныне пособия, в нужный сей час и в горкое сие время.

Помозите ми ныне, сестры мои возлюбленнии, помолитесь о мне со слезами и иных с собою подвигните на молитву ко Господу Богу моему, да ангелы хранители мирны послет, сохраняющия мя безвредно и провождающия безпакостно горкия истязатели, воздушныя мытари, путестоятели // и возбранители горнему восхождению. Пролейте же слезы своя теплыя л. 156 о ко Пречистой и преблагословенней Владычице нашей Богородице, да предстанет ми, и поможет, и избавит мя от сих лютых и немилостивых истязателей, хотящих убогую мою душу в бездну погибели низринути. Да не отринет мои худыя и студеныя молитвы, да вспомнит мое моление о сем времени горком: многажды бо к ней, Владычице, о сем часе горцем молихся. Да не отринет, да избавит, да свободит мя от врагов моих бесов. Она бо, госпожа моя, свет помощница, избавила мя при велицей нужди близмертной от сих врагов нашествия, в нощи прелюте на мя нападших; ея же призыванием отраду и помощь получих. Ныне же паче требую помощи в велицей беде сей, да предстанет ми,^к да избавит мя, раба своего и служителя, яко всесила и всемошна суши.

В самый же той час исхода души моея окаянныя прилежнейше молбу прострите и иных умолите молитися помощи ми: самое то нужное время, требующее помощи. И в той день отшествия моего от вас, и во второй, и в третий, паче в девятый же и четыредесятый потрудитесь во псалмех и поклонех и панахиды обычныя в подобающия дни и во всю 40 дней помяновение и молитву прилежно потщитесь совершати о убозей души моея, да милостивый Бог и всещедрый излиет свою милость, простит вся моя беззакония, яже к нему согреших ведением и неведением, в слове и деле и помышлении, и учинит душу мою на месте вселия и прохладения со избранными своими. //

Помяните, мои прелюбезнии, и не забудьте мою яже к вам любовь и л. 157 дружбу, юже имех во временней жизни, егда с вами собеседовах, егда с вами глаголах, егда вам помогах во всяких напастех, егда вас сохранях с помощью Божию и предлагах вам душеполезная и спасительная, да не посрамлени будем и пред Богом, и человеки, и в здешнем веце, и в хотящем быти. И се от вас, увы мне, разлучен бых повелением Бога моего и Владыки и в путь долгий ведомь есмь и не вею, что срящет мя, и не знаю, что будет ми и како темных князей бесовских избуду и страшных их зраков убегну. И како могу узрети страшнаго и праведнаго судию Христа моего Бога, и кий ответ восприиму, и где посажен буду.

Оле, сего времени страшнаго и трепетнаго и боязненнаго, дотоле, дондеже повеление страшнаго и великаго Царя Владыки моего и Бога учинит мя на месте, идеже он сам весть. Аще во благих селех учинен буду, тогда возрадоуюся и возвеселюся о Бозе Спасе моем, и вся моя скорбная и печальная в забвении будут, и колебательная моя в твердость и тишину преложатся. И воспоминати вас, моих приискрених и любезных, буду, елико дерзновение могу стяжати. Но обаче множества ради лености моея, се мне ненадежно. Хотел убо бых сие творити, аще помилует мя Господь Бог мой за молитв Пречистыя Матере своея, и не посрамлен буду.

^к *Дописано над строкой.*

Аще ли же во осужденных месте, увы мне, посажен буду, и что реку тогда и что возглаголю, кия слезы пролию, како восплачу и како възрыдаю, // к кому воскликну, кого на помощь призову? Покаяти ли ся восхощу, но несть тамо покаяния время. Плакати ли хошу, но тамо слезы бесполезны. О моя великия и неизбежняя нужди тогда! О безнадежняя моя избавления напасти, постигшия мя! Но милосердием и щедротами Господа Бога моего и Владыки Исуса Христа уповаю и верую спасен быти, мене ради недостойнаго кровь свою излившаго. И молитвами пресвятыя и пренепорочныя и преблагословенныя Владычицы моя Богородицы, избавителницы моя от всяких бед и напастей. И предстательством небесных воевод бесплотных Михаила и Гавриила и всех прочих. И крестителя Господня и Предтечи, и верховных апостол Петра и Павла, и возлюбленнаго девьственника и Богослова, помощников и заступников и теплых молитвенников, и всех дванадесяти. И Николы чуднаго, и преподобных наших отец Зосимы и Саватия и Германа, и всех российских чудотворцев, и всех святых, и новых светлых добробоедных мучеников и страстотерпцев, и хранителя моего святаго ангела. Сих всех молитвами и молением уповаю спасен быти. И молитвами отец моих и братии и матерей и сестр, терпящих Христа ради всяку скорбь.

Вы же должная о помяновении моем неленостно совершайте, и потрудитесь, и потщитесь ко Господу Богу и ко Пречистой Богородицы в молитвах ваших и прошениях о избавлении грешныя души моя от вечных мук и от адовых темниц. И день моего отшествия от сея жизни напишите, да не забвен будет, и доколе в живых пребываете, помяновение на всяко лето потщитесь сотворяти в молитвах по силе своей, поминающе любовь мою еже к вам и дружбу. И прилежне молитесь со слезами, да даст нам паки совокупитися в безсмертной жизни и бесконечной и в части праведных учиненным быти многомилостивый Господь Бог // наш Иисус Христос едиnorodный Сын Божий за молитв пресвятыя своя Матере и всех святых. И свеселитися вкупе во веки бесконечныя, идеже несть печали и скорби и въздыхания, ниже преложения на зло, ниже боязни от врагов, но вся тихая и мирная и веселая и радостная, вся любовная и безмятежная и непременная.

Сего ради всем усердием вашим потщитесь подвигнутися о спасении вашем, доколе даст вам пребыти всемогущая Божия десница в тленной плоти сей, страстной и смертной. И не пожалейте ея, но изнурите ю и утомите постом и поклонами и трудом, да не в похости безсловесныя и беззаконныя вринет, аще и изнеможет, и недугует, и болезнует, не скорбите о сем. Всячески о сохранении своя чистоты подвигнитесь, соблюдающе себе опасно от всех, и не точию бесед бесполезных и словес, но и помыслов страстных и зрений блюдитесь, и не токмо к мужескому полу, но и к женскому дерзновения, и к другиням бесполезным и неизвестным беседования и дружеск опасно блюдитесь: многокознен бо есть враг наш и многоковарен, и многоупестренныя сети его, ^лне токмо^м сам собою злыми помышленми и воспоминаними страстными, но ^н и своими сосудами злыми человеки и другими и другинями тщитесь прокопати храм Божий нашего телеси и осквернити и окаляти со душею и умом очищенную церковь плоти наша святым крещением и сосуды себе и подручники нас сотворити, и чада геенне огненной. //

Но вы, мои возлюбленнии, помните такового неумиримаго нашего врага, хотящаго погубити нас, соблюдайте себе от него и от его сосудов, посылаемых к вам другинь бесполезных. Рыкает бо и рыщет посреде нас и смотрит,

^{л-м} Дописано над строкой. ^н Дописано над строкой.

како кто живет, и како соблюдает себе, и како подвизается о своей чистоте, и ищет, откуда растлiti нас и погубити. Вы же не забывайте, но помните,^o како нас Бог возлюбит и очистит святым крещением и святым нас сотворит, и храм и церковь себе нас сотворит. Яко же апостол глаголет: вы бо есте церкви Бога жива, яко же рече Бог: яко вселюся в них и похожу и буду им Бог, и тии будут мне людие. И паки: буду им Бог, и тии будут мне в сыны и дщери, глаголет Господь Вседержитель. И Дамаскин, удивляясь о чистоте воспевает: Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется троическим единьством священнотайно.

О коликая светлость и похвала чистыя души с телом, яко церковь Божию нас творит, и престол Божий, и жилище Святаго Духа. Сего ради и диявол, враг наш и древний губитель, завидит толика светлости в нас и просвящения благодатнаго, и всячески тщится осквернити нас, и прокопати корабль нашея чистоты, и погрузити нас в житейских мира сего сластей и сквернах, и ненавидит нас, в чистоте живущих, и хочет растлiti храм Божий телесе нашего, и Божий гнев на нас навести. Яко же апостол пишет: аще кто храм Божий растлит, растлит того Бог. // И велик Божий гнев и л 159 страшен на растлевающих своя телеса и оскверняющих себе сквернами плотскими. Сего ради первый мир водою потоплен бысть; сего ради Содом и Гомор, пять градов, огнем погублены быша и ныне горят непрестанно и в веки бес конца горети будут; сего ради по исходе Израилеве от Египта и потом во Израили многия тысящи мечем и губительством погибоша в нынешнем веце, а в будущем что таковым будет, и сказати язык человеческий не может; сего ради и в наша настоящая времена мнози от православныя веры отступиша и отступают и, во отчаяние вдавшися, погибают и возвратитися на покаяние не могут, аще и видят себе гибнущих, и плачут и рыдают, а обратитися не могут. Воцарил бо ся в них грех уже, и всего человека обладал баше, и к покаянию не даст взирати. О лютаго сего на нас дияволя оружия! О погубелнаго сего мрака, како помрачи нас, како погибаем и не боимся, како видяше меч Божий губящъ и от сея жизни таковыя, а не трепещем; а в будущем страшном и непостоянном и праведнем суде что будет, кто может сказати.

Сего ради, любимейшия моя сестры, вас наказую блюсти себе и сохраняти от всякия скверны. Сего ради молю вас, да представите себе чистых и непорочных небесному жениху Христу, возлюбившему вас, иже подаст вам нетленныя чертоги в царствии небеснем. Того ради храните себе, и блюдите, и подвизайтесь, и плоть свою умерщвляйте, и томите, и не жалеите ея. // И не точию блюстися подобает телеснаго единого греха, растлевающего л 159 об. тело, но и душу соблюдайте от всякия скверны, от гордости, от зависти, от гнева, от злопомнения, от ярости, от безстрашия, от тщеславия, от дерзости и от всякия злобы. Понеже вооружился на ны грех многообразне и люте, и дышет зелне, и оскорбляет нас и в словесех, и в делех, и в помышлениих. И кто может от него избыти, любяя плоть свою и угожда ей, воистинну никто же.

Понеже возволновалося сие житейское широкое ⁿ море, и темнии ветри зелне смущают, и волны его воздвизаются висоце, и шум его и молва нестерпима на душах наших, ^p каменей же и корг и мелей, покрываемых лицемерия братолюбием и обливаемых лукавством и лжею, яко водами, преумножилося, и вся наша во мраце и неверии ко друг другу, яко и приискрених и присных блюстися.^c Пристанища же и отишия вся разоришася, несть где прибегнути, несть где главы приклонити или отдохнути от

^o Дописано в конце строки. ⁿ Дописано над строкой. ^{p-c} Вставка на полях.

истомления и бури. Разбойницы же мнози, и внутреннии, и внешнии, нападоша, и бесчиние и мятеж умножися зело, и несть где убегнути или скрытися от скорби, от смущающих нас и прелщающих избежати нигде же. Смутиша бо ся всяческая море же и суша, и трус великий колеблет всяческая, и вся в страсе и трепете. Немошь же наша велика и малодушие много, терпети не можем, паче же не хотим, но в страстех и в сластех и в своеволии обыкохом, и того ради ниспадаем и отпадаем. А наказующих нас и исправляющих мало или несть, а где и обрящем, покоритися и послушати от своеволия не можем и не хотим. Ох, погibelнаго сего времени! Увы, последния сея злобы! Оле, прелести вражия, еже на ны! // л. 160 О, нашего окаянства и бесчиния!»

(РГБ, ф. 236, № 207, л. 151—160)